

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

АНГЕЛ С ЧЕРНЫМ МЕЧОМ

Гай Юлий Орловский
Ангел с черным мечом
Серия «Михаил, Меч Господа», книга 4

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27629460*

*Михаил, Меч Господа. Книга четвертая. Ангел с черным мечом: Эксмо;
Москва; 2018
ISBN 978-5-04-099016-0*

Аннотация

Нет более важной задачи, сообщил падший ангел, чем закрыть Врата Ада. Иначе поток демонов вот-вот сметет с пути все человечество.

Пока Азазель и Михаил ищут пути закрыть эти Врата, продолжая сражаться с демонами и нефилимами в аду и в мире людей, Михаилу начали помогать две соперничающие демоницы, у которых не совсем понятные интересы.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	53
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	85
Глава 9	97
Глава 10	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Гай Юлий Орловский

Ангел с черным мечом

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Орловский Г. Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Часть первая

Глава 1

Багровые тучи, похожие на табун лохматых огненных коней, с грозным гулом промчались по низкому своду из красного камня. Резко и страшно обнажились багровые трещины и грозно торчащие исполинские зубы обугленных вечным жаром скал.

Михаил собирал рюкзак, когда крупнозернистый песок вперемишку с мелкими камешками затрещал под шагами приближающейся Обизат. В крупных зеленущих, как у молодого кузнечика, глазах он рассмотрел обиду, а бледное детское личико с нежным румянцем стало еще бледнее.

– Ничего не пойму, – заявила она сердито. – Доспехи и мечи просто чудо, башмаки новенькие, а карманы пустые! Даже у командира. Так не бывает.

Михаил покосился на ее красиво вздернутые, словно в вечном изумлении, широкие брови, но промолчал, в преисподней для него нет ответов, сосредоточенно складывал в рюкзак вещи и затягивал шнурки, чувствуя под собой жар прокаленного песка, зато Азазель пояснил голосом доброго наставника:

– Им велено не засвечиваться, детка. И знаков различия

нет, верно?.. Вежливые такие зеленые человечки...

– Они не зеленые, – возразила она.

– Не рассмотрела, – сказал он. – Сама еще зеленая.

– Я не зеленая, – ответила она с негодованием и, потряхнув красными, как жаркий огонь, волосами, взглянула на молча слушающего Михаила. – Но если мой господин прикажет, буду и зеленой.

Михаил в неловкости подвигал задом по сухой прокаленной земле.

– Собираемся? – спросил он Азазеля. – Уходим?

Азазель на корточках старательно завязывал почти опустевший рюкзак, даже не поднял головы.

– А чего голосок дрожит? – ответил он насмешливо. – Не бойсь, других заданий нет. Отдохнешь дома, а то рассиделся тут. Понравилось, кто бы подумал...

Он разогнулся и застыл. Впереди шагах в пяти накаленный воздух задрожал, сгустился. Красиво и грациозно вышла, как из шатра, раздвинув полог, рослая женщина в постоянно меняющемся платье. Волосы тоже становятся то иссиня-черными, то пепельного цвета, даже красными, синими, меняют размер – от короткой прически до распущенных по спине и груди роскошных прядей с крупными локонами.

Глаза ее, выпуклые и широко расставленные, то светлые, как горный лед, то синие-синие, тут же становятся зловеще-багровыми, словно череп полон горящих углей.

Азазель охнул:

– Да что это... Я даже не слышал...

Михаил молчал, потрясенный еще больше Азазеля. Вокруг этой необыкновенной женщины пространство сминается волнами, черная мохнатая бабочка застыла в полете с полусложенными крыльями, а взлетевшая от ног Азазеля красная пыль так и осталась висеть в воздухе.

Женщина приближается неспешно, иногда погружается в землю до колена, но продолжает идти, словно земля не земля, а легкий туман, и все это время не сводит с них вопрошающего взгляда.

Все трое замерли и молча ждали, как вмерзшие в лед лягушки, а женщина, замедляя шаг, поинтересовалась прекрасным музыкальным голосом:

– Кто вы, существа?

Обизат съежилась, перепуганная, как мелкая мышка перед огромной кошкой, Михаил не нашелся с ответом, только Азазель сказал заискивающе:

– Бедные странники...

На полных губах странной женщины промелькнула улыбка, но глаза остались серьезными.

– Странники... да еще бедные?..

– Да, госпожа, – подтвердил Азазель истово. – Бредем вот по дорогам, аки птички, что киззяками питаются.

Она произнесла тем же музыкальным голосом:

– Тогда почему ад качнуло, словно лодку на воде, как только вы вошли?..

Азазель сам дернулся, взглянул дикими глазами.

– Госпожа?.. А мы при чем?

Она сказала сомневающимся тоном:

– Совпадение?

– Оно самое, – подтвердил Азазель. – Взгляните на моего друга, он же дурак дураком, издали видно, а я хоть и хитрый, но бедный и слабый!.. Как-то чихнул, тут же с неба звезда упала! Мог бы сказать, что это я ее так, но совпадение, госпожа, везде одни совпадения... Мир нас вообще не замечает, мы как три мелкие мухи на спине самого большого слона на свете...

Она покачала головой, не отрывая от него взгляда спокойных глаз.

– Но мир стал другим, – сказала она ясным голосом, – едва вы вошли. Я заметила. И даже увидела, как начал меняться... Если не вы, что с вами вошло? Нечто настолько... что просто... просто такого не может быть.

Азазель спросил почти шепотом:

– Насколько... какое?

– Огромнее, – ответила она, – чем весь ад и весь мир. Такое не могло быть, но я видела.

Михаил напрягся, есть одно-единственное объяснение, когда нечто более крупное может войти в бесконечно малое, но смолчал, раз он дурак дураком, что видно даже издали, смотрел то на прекрасную женщину, то на Азазеля, а тот кланялся, разводил руками, пожимал плечами и всячески изоб-

ражал перепуганного нола.

Она снова оглянула их спокойными глазами, сделала рукой движение, словно отодвигает незримую штору. Михаил застыл, увидев страшное темное небо, озаренное багровым огнем вселенских пожаров, с плавающими в пространстве обломками разрушенных миров, с исполинскими кометами, в ядре которых сотни галактик, застывшими взрывами старых вселенных...

Шторы праматерии беззвучно сдвинулись за странной гостьей, Михаил с шумом выпустил распирающий его воздух, сообразив, что все время задерживал его в груди.

– Кто, – прошептал он вздрагивающим голосом, – она?

– Не знаю, – ответил Азазель. Вид у него тоже вздрюченный, – спроси Обизат, женщины все про женщин знают.

Михаил послушно повернулся к Обизат:

– Ты в самом деле знаешь?

Она огрызнулась:

– Кого ты слушаешь, господин?.. Он врет и не чешется. Откуда я могу знать? Я ничего не знаю о Касикандриэре.

Азазель оживился.

– Как, как ее зовут?

– Касикандриэра, – повторила Обизат сердито. – Никто не знает, кто она. И откуда. Вот взяла и появилась!.. Еще в самом начале. Не ангел и не демон. Говорят, сильнее всех в аду, но никто не проверял.

Михаил сказал мрачно:

– Никто и ничто не может из ниоткуда. Господь сотворил все!.. Есть люди, ангелы и демоны. Больше никого.

– Но она есть, – напомнил Азазель. – Не демон и не ангел. А что не человек, поймут даже меднолобые.

– Ну спасибо, – буркнул Михаил. – Моему медному лбу поскорее бы из этих счастливых мест.

– Дай перевести дух, – сказал Азазель, взглянул на него и пояснил: – Это не через брод перевести, а вежливая форма «Надо восстановить силы».

– Понадобятся не годы?

Азазель огляделся.

– Не понадобятся. Место хорошее, никто не видит.

Михаил зябко повел плечами, хотя сухой жаркий воздух заставлял чувствовать себя как в той печи, из которой однажды выволакивал отроков, жаждавших мучительной смерти во славу.

– Но эта же... как ее, Кикандрола, нашла?

– Касикандриэра, – поправила Обизат. – Она особая. Никто не знает, кто она и откуда она. Был слух, что была еще до сотворения мира, но разве такое могло?

Азазель отмахнулся, Михаил хмыкнул и, забросив рюкзак за спину, привычно подтягивал лямки. Азазель оглядел, сказал критически:

– Вот тут перекосило... Правую подтяни туже. И поправь на спине, а то натрет...

Лицо его было настолько серьезное и озабоченное, что

Михаил, опомнившись, спросил с подозрением:

– А что, переход будет длинным?

– Да, – подтвердил Азазель. – Но, правда, коротким. Две-три миллисекунды.

– Свинья полосатая...

Он недоговорил, Азазель обнял его и Обизат за плечи, блеснул слепящий свет. На кратчайший миг Михаил успел увидеть первозданный мрак, но тут же подошвы ударились о твердый и восхитительно ровный пол.

Азазель толкнул дверь тесной каморки, Михаил и Обизат вышли в залитую ярким светом прихожую.

Обизат вскрикнула в страхе:

– Ой, что это...

За спиной раздался громкий голос:

– Ваш смертный час!

Михаил развернулся и застыл, прямо в глаза смотрит дуло пистолета. Рукоять как влитая в мощной лапе крупного мужчины, больше похожего на гориллу. Лицо вроде бы человеческое, но что-то в нем неправильное, а справа и слева еще двое, коренастых и угрюмых, с пистолетами в руках, нацеленными в Азазеля и Обизат.

У всех троих суровые лица, испещренные боевыми шрамами, а их вожак, его легко узнать по движениям и властному виду, потребовал громовым голосом:

– Кто из вас Азазель?

Азазель проговорил медленно:

– Ребята, я вам что-то покажу...

– Кто из вас, – повторил вожак лютым голосом.

– Я вытащу очень медленно, – пообещал Азазель, – никакого сопротивления, увидите!

Он в самом деле замедленными движениями снял с плеча рюкзак, опустил на пол. Стволы пистолетов чуть наклонились, сопровождая его при каждом движении.

Пока Азазель расстегивал пряжки, Обизат наконец заговорила:

– Ты... Кокендр? Старший сын Менаньяха?.. Ты еще не знаешь, но все отменяется... Заран убит, во главе клана снова Малфас.

Вожак прорычал мощным голосом:

– Заран?.. Заран не может погибнуть!

Азазель очень медленно достал из рюкзака амулеты, которые снял с груди Зарана, показал всем троем.

– Узнаешь? – спросил он вожака и бросил ему под ноги. – Их можно снять только с убитого.

Михаил молчал, но не двигался и старался выглядеть как можно загадочнее и опаснее.

Вожак некоторое время смотрел на амулеты, наконец нагнулся, взял один в ладонь.

– Да, – проревел он озадаченно и уже не так угрожающе, – это снимают только с убитого. Покажу в клане.

Он спрятал пистолет, за ним молча сунули за пояса свое оружие и двое соратников.

– Все отменяется, – подтвердил он. – Уходим.

Михаил так и не сдвинулся с места, провожая их взглядом, а когда те прошли прихожую и вышли на лестничную площадку, Азазель буркнул:

– Видишь, Мишка, сколько нам работы?.. Нельзя, чтобы выходцы из ада вот так просто расхаживали в нашем мире!

– Вооруженные, – проговорил Михаил, он чувствовал, как сердце колотится, словно у пойманного зверька, – и опасные...

Обизат перевела дыхание, посмотрела по сторонам, глаза стали огромными, как чайные блюдца, и еще зеленее, словно изумруды вспыхнули под лучами утреннего солнца.

– Где... мы? Куда ты нас...

Михаил повел взглядом по роскошной прихожей, с прекрасной мебелью, хрустальной люстрой, шикарными зеркалами, вспомнил, что и сам в первый день испытал такой же шок, войдя в квартиру Азазеля.

– Моя нора, – гордо ответил Азазель. – Располагайтесь, как дома. Но не поджигать, не ломать, не сорить, на пол не плевать, нос и пальцы о шторы и скатерти не вытирать.

Глаза Обизат стали еще огромнее, в испуге осматривалась, голосок ее стал трусливым:

– С места не сдвинусь... Страшно как... А что такое шторы?

Михаил сказал с сердцем:

– Да нет у него штор. Как и скатерти. Пугает, нрав у него

такой дурной. Не бойся, пойдй вот там сядь. Ноними мечи, диван поцарапаешь, Азазель нас поубивает.

Она охнула:

– Поубивает?

– Еще хуже, – уточнил Михаил, – заест.

Глава 2

Он помог ей расстегнуть перевязи с мечами, сам отнес в прихожую и повесил на ремнях рядом с верхней одеждой.

– Страшно, – повторила Обизат зачарованно. – Так вот он каков, мир человек...

– Да ты садись, – велел Михаил. – Диван не укусит, я уже проверил.

– А укусит, – сказал Азазель серьезным голосом, – бей в морду. У меня умный интеллигентный дом, понимает только насилие.

Обизат послушно подошла к дивану, но взглянула по дороге в окно, отшатнулась.

– Мы где?

– В башне, – пояснил Михаил. – Высокой. В Аду таких нет.

Азазель сказал строго:

– Сири, не спи. Видишь, гости из деревни? Давай на стол все готовое и натуральное. Без гэмэо и глютена. Остальное дожаришь потом. Будет невкусно – заставлю самой все съесть!

Обизат с непониманием посмотрела на Михаила:

– Это он... кому?

Михаил отмахнулся:

– Не обращай внимания. Это мир людей, здесь все слож-

нее и проще. Сири не демон, а умная вещь. Даже умнее здешнего хозяина.

От противоположной стены донесся милый женский голосок:

– Спасибо.

Обизат дернулась, но тут же выпрямилась и застыла с ровной спиной и гордой посадкой головы. Панцирь из кожи красиво вздулся на груди двумя небольшими холмиками.

Михаил видел, что ей все еще страшно, но девочка старается держаться с достоинством, с надеждой смотрит, как свободно передвигается в этой пугающей своим величием норе Азазель, как без всякого напряжения держится Михаил, ее повелитель, сама изо всех сил старается погасить испуг, хотя удается пока что не очень.

Азазель взглянул на нее с насмешливой симпатией:

– Малышка, первое, что показывают гостям, это место, где можно помыть руки.

Она спросила с пониманием:

– Такой ритуал?

– Да, – ответил он, – это эвфемизм, никто их там не моет, люди всегда врут, кроме меня, как я только что доказал, зато это единственное место, где можно пописать, и никто не будет показывать пальцем. Пойдем, покажу.

Она послушно пошла с ним, Михаил проводил их взглядом, с этим чистым, хоть и драчливым ребенком будут немалые сложности, нутром чует. У людей предчувствия рулят

сильнее, чем разум, а разбираться ему, как же, повелитель и господин, с ума сойти. Это значит, он и отвечает.

Вернулся Азазель один, Обизат пришла чуть позже, в самом деле умытенькая и посвежевшая.

Входная дверь звякнула, предупреждая о госте, тут же распахнулась, вошел Бианакит, суровый и весь в ауре сдержанной мужской силы и готовности к бою.

Азазель коротко обнял его, тут же развернул и толкнул в сторону кухонного стола.

– Садись. Вино пить умеешь?

Бианакит искренне удивился:

– А что, его где-то учат пить? Дашь мне в ту школу рекомендацию хоть на один курс?

Михаил сел за стол с ним рядом, из кухни мягко выкатился на резиновых колесиках загруженный столик. Обизат подпрыгнула и вскинула ладонь к плечу, где пальцы должны ухватиться за рифленую рукоять узкого меча, но отважные мужчины не обращают на столик внимания, и она опустила руку, стараясь делать это понезаметнее.

На верхнем этажедвигающегося столика три тушки обжаренных кур, на втором блюда с рыбой, хлеб, специи и даже большая бутылка с вином.

Азазель с заметным удовольствием расставил бокалы, разлил вино. Обизат смотрела на Михаила и старалась держаться, как и он, а после второго бокала вина, уже с разругавшимися щеками, спросила стеснительно:

– Мой господин, а какое великое деяние вы совершаете в этом жутком мире людей? Мне будет легче служить вам, если буду знать.

Михаил запнулся с ответом, на помощь пришел злорадно улыбающийся Азазель:

– Вообще-то, лапушка, помогаем Творцу.

Она в великом изумлении распахнула розовый ротик:

– Что-о-о?

– Правда, – уточнил он, – ему не сообщая и даже не спрашивая разрешения.

Михаил спросил с сомнением:

– У тебя это помощь... бунтарство или подхалимаж? Что-то не пойму.

– Да, – произнесла Обизат с недетской осторожностью, – и мне как-то непонятно. Хотя я с теми, за кого мой господин, и против тех, с кем он сражается.

Азазель отмахнулся:

– А ты вообще не пищи. Хотя, конечно, каждый солдат должен знать свой маневр, но какой ты солдат, если у тебя сиськи? Даже две!

Михаил буркнул:

– Вообще-то в армию теперь берут и самочек.

Обизат посмотрела на него с горячей благодарностью, Азазель подумал и кивнул:

– Да, беру свои слова в зад.

– Засовываю, – уточнил Михаил. – Теперь так говорят.

Даже в приличном обществе.

– Да где теперь приличное, – сказал Азазель с тоской, – я один в мире, живу без ласки, грусть затая, всегда быть в маске судьба моя... Обизат, давай налью еще, а то Мишка современный, дескать, пусть женщины сами за собой, а я воспитанный интеллигент древней и вымирающей формации, блюду традиции...

Она проследила взглядом, как он наполнил ей бокал темно-красным вином, за это время бутылка заполнилась снова, вообще-то пижонство, мог бы сразу в фужерах, но любит то ли повыпендриваться, то ли показать себя заботливых хозяином.

– В общем, – велел он ласково, – лучше не рассуждай, а просто пей и слушайся. Все, что ни делаем, правильно и прилично. И что делаем, тоже прилично и правильно. Почти всегда, хоть и невпопад. Но ведь главное, чистые намерения? Всевышний одобрил бы, как и Люцифер. Люцифер хоть и оппозиционер, но системный оппозиционер. С разных сторон работаем над одной проблемой.

Она спросила детским голоском и с большим бокалом вина в руке:

– Какой?

Азазель пожал плечами.

– Неисповедимы пути Всевышнего. А говоря попросту, генералы не раскрывают солдатам планы Генштаба.

– Но как же вы тогда...

– По интуиции, – пояснил Азазель. – Ты пей, пей. Создатель отдал этот мир человеку, а не нам, из-за чего и вспыхнула та свара. Все чаще кажется, что он знал, что делал. Человек за это время размножился и уже сам так дико и странно меняет мир, что понять его закидоны может разве что сам Творец. Теперь помогаем человеку... ну, как получается. Чем больше у человека успехов, тем больше и врагов, поняла? Как и обещал Иосиф Виссарионович.

Она сделала глоток, послушно кивнула, подняла на него взгляд удивительно крупных зеленых глаз.

– Мужчины всегда правы, – ответила она рассудительно, – так мне сказали в семье. Женщина должна идти за лучшим...

Михаил ощутил, что сейчас скажет свое «...и рожать от него детей», прервал поспешно:

– Обизат, тебе рыбу или крылышко?

Азазель хохотнул:

– Обизат, не пугайся, Мишка старается быть культурным. Мишка, ей еще расти, потому какое крылышко? Клади тушку. Обизат здоровая девочка, слопает и не хрюкнет.

Звякнул сигнал вызова, Михаил повернулся в сторону двери, а Азазель к стене, где экран во всю ширь, щелкнул пальцами.

На фоне захламленного склада появилось вытянутое лицо мужчины среднего возраста с неопрятной бородкой и серьгами в обоих ушах. Михаил старался вспомнить, что это озна-

чает, но в голову лезли то шумерские обычаи, то их наследников на Дону, но современная информация куда-то затерялась.

Серьгастый бородач бросил настороженный взгляд на Азазеля, потом на Михаила, что неуклюже старался положить на тарелку Обизат ярко-красные куски форели.

– Это кто у тебя?

Голос его прозвучал скрипуче и неприятно, словно он нарочито старался говорить не своим голосом.

– Работники на кухне, – ответил Азазель, – я же теперь капиталист-предприниматель. И племянница, иначе какой я капиталист без права на непристойный отдых?.. Что у тебя, Авазарник?

– А как они насчет...

– Посвящены, – договорил Азазель. – Хотя вроде нолов, ничего не понимают, но исполнительные. Что стряслось?

– Непонятный демон, – ответил неопрятный бородач, которого Азазель назвал Авазарником.

– По каналам?

– Нет, – ответил Авазарник и посмотрел на Азазеля с хмурой насмешкой и одновременно надеждой. – В подмосковном лесу замечен демон рядом с деревней Оксино. Достаточно крепкий, сильный и опасный. Живет по-прежнему в лесу... Как попал туда, неизвестно. Каналы я проверил.

– Уровень?

– Разговаривать не умеет, – сообщил Авазарник. – На

уровне нола, но демон.

– Чем питается? – спросил Азазель. – Лесным зверьем?

По лицу Авазарника Михаил понял, что очень хотел бы подтвердить, но от Азазеля брехню скрыть трудно, потому сказал вынужденно:

– Древесину жреть... Ветки, листья, корни... Что с ним делать?

– Как он к людям?

Авазарник ответил с еще большей неохотой:

– Один раз помог заблудившемуся дураку... Но все-таки демон, надо бы ликвидировать...

Азазель сказал недовольно:

– Ладно, подумаем.

Он отключил связь, Бианакит и Обизат деликатно помалкивали, а Михаил поинтересовался:

– Что будешь с ним делать?

– В смысле? – спросил Азазель. – А что бы сделал ты?

– Да пусть так и живет, – сказал Михаил раздраженно. – Почему обязательно что-то делать? Начнем заниматься такими мелочами, разучимся сражаться с Великим Злом.

Азазель вздохнул:

– Жаль, даже пристроить его некуда. Был бы у меня котедж с козами и курами, поселил бы с ними, чтобы чистил и навоз убирал... Ладно, пусть живет. Живут же бобры? Здоровые деревья грызут, вред наносят лесопосадкам и даже причиняют.

– Лесопосадкам?

Азазель отмахнулся:

– Не будь занудой. Это в Европе нет леса, только лесопосадки, а у нас настоящий дикий лес, тайга, дремучесть с курьими ножками!.. Ладно, проехали. Поднимем бокалы за наши победы!.. Как прошлые, так и будущие!

С роскошным обедом, что не просто обед, а победный пир, расправлялись долго, а потом, распустив пояса, наслаждались десертом. Сири заставила всю столешницу изысканными пирогами, восточными сладостями и пирожными всех видов и форм, Обизат лопала все с вытаращенными в диком восторге глазами, а румянец на щеках воспламенялся все жарче.

Азазель вытащил из особого шкафчика пузатые бутылки с вином наполеоновских времен, гордо разлил по бокалам, жестом передал Бианакиту обязанности виночерпия, чтобы дальше уже он наполнял всем по мере надобности.

– Мишка, – сказал он весело, – не спи!.. Или все о Кикандрописсе думаешь?

Обизат возразила сердито:

– Ее зовут Касикандриэра!

Азазель сказал беспечно:

– Да пусть зовут. Это ее так называли приемные родители, Бельфегор и Депилик, или уже так звалась раньше? Хотя не важно, это Мишка у нас стратиг, а я такими вселенскими вопросами не заморачиваюсь. Я мелочный, мне бы просто

мир спасти.

Михаил сердито засопел, еще не понял, в чем Азазель его уел, но что уел, сомневаться не стоит, Азазель такие возможности не упускает, свинья полосатая, гад ползучий и подкожный.

– Допивайте вино, – велел Азазель строго, – а то выдохнется! Лучше бы я его на Сотбисе продал, чем вам на стол, морды неумытые...

– Сейчас разолью остатки, – пообещал Бианакит. – А что не поместится, то могу из горла...

– Коллекционное? – спросил Азазель с мрачной угрозой. – Из горла?.. Может, еще и в подворотне? Ну ты и романтик!..

Бианакит, разливая с мрачной ухмылкой по фужерам, поинтересовался:

– Рейд успешный, понял. Но мы за этим столом не засидимся, верно?.. Ну вот, вижу... Какую задачу Господь поставил, сам о том не догадываясь, на этот раз?

– Посложнее предыдущей, – ответил Азазель уже намного серьезнее. – Это мы спасали мир демонов, а сейчас свой бы спасти... Но я уже задействовал кое-кого. Ищут варианты.

Михаил насторожился.

– Когда же ты успел? Вечно за нашими спинами что-то прокручиваешь!.. Уже знаешь, куда направимся?

– Еще чего!.. – ответил Азазель оскорбленно. – Пока что ищут по старым рукописям, чем можно влиять на ангелов.

– Зачем? – спросил Михаил настороженно.

– А ты забыл? – ответил Азазель. – Биан, ему больше не наливай... Обизат, тот чуланчик всегда заперт изнутри, потому можешь появляться в нем откуда угодно и когда угодно. А чтобы выйти из него, просто пройди через дверь, на что хватит силы у самого немоощного.

– У меня не хватит, – сообщила она со стыдом в голосе. – И прыгать не умею.

– Научим, – пообещал Азазель. – Заставим. Женщины все попрыгуньи. Как горные козы!

– Горных не бывает, – ответила Обизат.

– Чего? – изумился Азазель. – Спроси своего господина и, ах-ах, повелителя! Он все породы знает.

Обизат обратила вопрошающий взгляд к Михаилу, он сказал с сердцем:

– Я знаю только одну, но всем породам порода!

– Какая? – спросила Обизат.

– Хермонская, – ответил Михаил.

Она сделала большие глаза.

– Не слыхала о такой...

Михаил кивнул в сторону Азазеля:

– У него спроси.

– Он из Хермона?

– Сам ее вывел, – сообщил Михаил. – И расплодил. Обизат, там изнутри задвижка. Просто отопрй и выйди.

Бианакит поставил опустевший бокал на стол и поднялся.

– Пойду взгляну новости. Сейчас война в арабских странах, человеки бьются люто, надо посмотреть, чем и как.

Обизат спросила живо:

– Война? Из-за чего?

Бианакит отмахнулся:

– Они и сами не знают.

Глава 3

Азазель кивнул, отпуская из-за стола на правах хозяина и тамады, Бианакит отправился в гостиную. Слышно было через распахнутую дверь, как включил экран, из динамиков сразу донесся грохот взрывов и треск пулеметных очередей.

Михаил тоже хотел выбраться из-за стола, застолье не в его характере, но прозвенел сигнал вызова, в кухне вспыхнул экран на свободном участке стены, возникло встревоженное лицо Авазарника.

– Все еще за столом? – спросил он, Михаилу почудился то ли укор, то ли в голосе бородача прозвучала зависть. – Хорошо живете... А тут еще один объявился. Но уже опасный!..

– И тоже в лесу? – спросил Азазель с ленивым интересом.

– Тоже, – ответил Авазарник, – только левее, между деревнями Васькино и Курниково. Никто не понимает, откуда взялся. Уже двоих охотников утащил... От одного ружье в лесу, от второго корзинка с грибами.

– Что за грибы? – уточнил Азазель.

– Два белых, – сообщил Авазарник с надеждой и в то же время с гордостью, что знает проблему до мелочи, – три боровика, пять лисичек и с десяток мелкой дряни, вроде опят. А что, это след?

– Люблю грибы, – ответил Азазель. – Особенно белые. Хотя и опята хороши, если жарить в оливковом масле. Утащил

в нору? Какая она?

Авазарник покачал головой.

– На предполагаемом месте исчезновения сухая красная глина. Твердая, как... сухая глина. Никаких следов борьбы. Ни капли крови. Вообще ничего! И никаких нор даже близко.

– Отпечатки?

– Никаких.

Азазель подумал, спросил:

– Пропавших уже ищут?

– Пока нет, – ответил Авазарник. – Охотники и грибники часто уходят в лес с ночевками. Могут под это дело провести пару суток у каких-то баб, а подстреленного зайца, как и грибы, на обратном пути купить на базаре.

– Жены это знают, – сказал Азазель, – не совсем уж дуры. Тогда из-за чего же тревога?

Авазарник замялся, понизил голос:

– Мы бы сами, как всегда, но тут особый случай. Один из грибников, оказавшийся в том районе, видел издали, как в лесу появилось нечто красное, напоминающее огромного человека.

– Ого, местный йети?

– Или леший, – согласился Авазарник. – Это красное нечто появилось и тут же исчезло за деревьями. А потом почти в том же месте пропал первый охотник... Все прошло бы незамеченным, но тот, видевший красного человека, начал

рассказывать всем, что возле их села высадились инопланетяне и похищают мужчин для опытов, а женщин для сексуальных домогательств.

– Это интереснее, – согласился Азазель, – чем опыты. Я имею в виду домогательства, хотя и секс тоже ничего. Временами, конечно. Хорошо, у меня тут крохотный передых, могу и заглянуть в ваши места. Это где?

– Недалеко от деревни Васькино, – напомнил Авазарник. – Там от домов через поле сразу деревья. Лес так себе, одно название, но места грибные, лучше не бывает.

– Хорошо, – сказал Азазель, – вы там пока понаблюдайте, вдруг больше не появится? Но если что, прибуду, разберусь и накажу всех, дабы блюли и не допускали.

Авазарник исчез, вместо него по экрану побежали новости, где сводку скучных боев в Саудовской Аравии и разрушение ядерным ударом городов Эль-Риад и Джидде сменило красочное торжественное празднование присуждения звания лучшего клоуна планеты жителю Москвы Петро Олейнику, который вырвал победу в сложной борьбе с самыми именитыми шоуменами мира.

Михаил после жирной пищи заметно осоловел, мысли пошли вялые и тягучие, но заставил их двигаться шустрее, встрепенулся, сам ощутил, что взгляд стал осмысленным, хлопнул себя ладонью по лбу и сказал тревожно:

– А если...

Азазель круто развернулся в его сторону, ладонь взлетела

к плечу, Михаил уже почти увидел, как там возникает рукоять черного меча.

– Что?

Михаил проговорил медленно и с напряжением, стараясь не потерять нить внезапно блеснувшей мысли:

– А если она из предыдущего мира?

– Кто? – спросил Азазель и в тревоге посмотрел по сторонам.

– Касикандриэра, – сказал Михаил еще медленнее. – Помнишь, когда Господь создал мир, Он оглядел свое творение и сказал, что получилось хорошо, это лучший из миров!.. Мы как-то не подумали, что это не просто одобрение результата своего труда, а констатация... есть такое слово?.. констатация, что это лучший из всех миров, которые создавал раньше и разрушал, оставаясь недовольным!..

Азазель, все еще держа ладонь с растопыренными пальцами над плечом, несколько мгновений смотрел на него застывшими глазами.

– Ты чего?.. А-а, ты об этой... Хочешь сказать, она из одного из предыдущих его творений?..

– Из предыдущего, – уточнил Михаил. – Первые наверняка что-то чудовищное. А эта настолько уже почти человек... или ангел... хотя и демон тоже, вот и решил оставить...

– Либо сама осталась, – предположил Азазель. Он опустил руку и перевел дыхание. – А Он сжалился и, уничтожив весь предыдущий мир, ей позволил существовать... Хо-

тя, как ты часто говоришь, неисповедимы пути Творца.

Михаил проговорил медленно:

– Но можно сделать вывод, что этот мир еще лучше!

– Оптимист, – буркнул Азазель. – Лучше для кого? Вот то-то. Ладно, подчищайте тарелки, а то Сири мыть не любит, да и сам не понимаю этих диет и разгрузочных дней. Может, вам обоим позаквыристее и поплотнее?

– Не чревоугодничай, – сказал Михаил строго. – И вообще на ночь нажираться не рекомендуется.

Азазель отмахнулся:

– Мишка, я даже от Создателя рекомендаций не принимал, а тут послушаюсь какого-то ЗОЖ?.. Возможно, предыдущий мир, сотворенный Господом, был больше похож на здешний Ад, потому Кикандрелла и поселилась там?

– Касикандриэра, – поправила Обизат.

Азазель сказал с досадой:

– Да оставь ты ее наконец! Нам лучше, чтобы там и застряла. Конечно, в Аду красочнее, чем в Брие или на земле, а женщины, как и вороны, любят красивых. Потому я так популярен.

Обизат посмотрела на него с пренебрежением:

– Ты?

– А кто ж еще? – изумился Азазель. – Не Мишка же!

– Мой господин и повелитель Михаил, – ответила Обизат с гордостью, – красив и величественен, как нильский крокодил или большая горилла, чей рык подобен грому! Он силен,

как бехем, сбивающий с ног носорога, и грозен, как орел, выпускающий когти на мышь.

Азазель бросил быстрый взгляд на Михаила, тот ерзает, словно сидит на раскаленных углях, на лице страдальческое выражение, но старается выдавить улыбку.

– Ну, – сказал Азазель со вздохом, – если красив и грозен, как горилла, выпускающая когти на мышь, то сдаюсь, мне с таким не тягаться. Мишка, теперь нам предстоит подумать над решением очень насущной и как бы непростой задачи.

Михаил с облегчением ухватился за брошенный ему спасательный круг:

– Разобраться с этим красным существом?

Азазель отмахнулся:

– Это рутина. Сам же заметил, демоны свободно разгуливают по миру людей, а это недопустимо.

– Тогда что?

– Пора найти и заткнуть дырку, из которой они лезут на свет.

Он прислушался, выудил из кармашка пластинку смартфона и вышел с ним на балкон. Михаил и Обизат видели, как с самым серьезным и озабоченным лицом разговаривает вполголоса, отделенный стеклянной дверью, а в эту сторону поглядывает искоса, словно речь о них.

Обизат повернулась к Михаилу, взгляд настолько преданный, что он сказал с неловкостью:

– Не бойся, здесь хорошо и уютно, хотя и непривычно.

Но это сперва непривычно. Азазель умеет устраиваться. Его квартира наполнена магией, здесь это называется продвинутой технологией.

Она ответила отважно:

– Мне с моим господином нигде не страшно!.. Я девственница, меня готовили к тому, что буду носить в чреве от самого великого воина. Таким был Кезим, но ты убил его раньше чем, теперь буду носить от тебя!

Михаил сказал смущенно:

– Как в вашем клане просто...

– Что-то неправильно? – спросила она с тревогой.

– Да нет, – ответил он с еще большей неловкостью. – Только как-то слишком в лоб. Люди такое привыкли скрывать, хотя вообще-то все то же самое.

Она спросила в изумлении:

– А зачем скрывать?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Это называется культурой, хотя я в ней не силен. Вообще-то культурными должны быть все, но это пожелание, как и то, что все должны быть красивыми, здоровыми и сильными.

Она посмотрела удивленно огромными глазищами доверчивого ребенка, который искренне верит, что взрослые всё знают и умеют.

Михаилу снова стало неловко, он отодвинул бокал с вином и выбрался из-за стола.

– Очень все вкусно, – сказал он с неодобрением. – Чревоугодничает Азазель.

– Это недостойно мужчин, – поддержала она с детской горячностью. – Мужчины должны стремиться к подвигам, а не к чревоугодству!

Он перебрался на диван, Обизат тут же с детской непосредственностью опустилась рядом и прижалась к нему плечом, чисто и доверчиво, как щенок, вверяющий себя большому и всемогущему хозяину, которого будет верно и преданно любить и всячески обожать.

– Все будет хорошо, – заверил он мягко, – ничего не бойся в этом мире. Азазель не груб, просто не заснет, если хоть кого-то не обидит. Натура такая. Но не злой.

Она спросила удивленно:

– Ты что по голове гладишь, как ребенка? Я взрослая!.. Хотя мне это почему-то нравится.

– Да это так, – сказал Михаил смущенно, не признаваться же, что проверял, как подсказал Азазель, есть ли у нее под прической рожки. – У тебя красивые волосы. И такие пышные... Так и хочется погладить.

– Погладь спинку, – предложила Обизат. – Можешь почесать. Так еще приятнее.

– Ну ты прям... Хотя ты оно и есть, чего это я... Все животные любят, когда их чешут.

– Я животное?

– Еще какое, – заверил Михаил. – Самое лучшее.

Азазель вернулся с лоджии, на ходу пряча смартфон в нагрудный карман, окинул их внимательным взглядом.

– Знаю, о чем думаете, – сказал он строгим голосом. – Мишка, ты спишь в своей комнате, а ты, Обизатка, на диване в гостиной.

Обизат вскинулась:

– Почему? Я хочу спать у ног моего повелителя! Могу на коврик у кровати...

– На тряпочке, – сказал Азазель ехидно.

– Пусть на тряпочке!

– Нет, – отрезал Азазель. – Завтра – да, а сегодня нельзя, таков ритуал. Здесь свои ритуалы и заморочки, как отрывка буржуазной культуры и правил поведения. Не спорь, иди спи. И вообще всем спокойной ночи. Поговорим утром.

В гостиной поднялся с дивана Бианакит, потянулся, с хрустом разминая спину.

– Увидимся утром, – сказал он. – Приду, как только у вас загорится свет. Мы в доме напротив, если еще помните.

Азазель всегда спал чутко, а сейчас среди ночи звериное чутье предупредило насчет близкой беды, моментально проснулся, проскочил на цыпочках мимо спящей в гостиной Обизат и, распахивая дверь в спальню Михаила, увидел на постели огромную глыбу льда.

В лицо пахнуло холодом, он поспешно и плотно закрыл за собой дверь. Лед быстро потемнел, начал уменьшаться в размерах, открывая человеческую фигуру внутри. Еще че-

рез пару мгновений в клубах плотного пара приподнялся на локтях трясущийся и мокрый, как бобер, Михаил.

Лицо его дернулось судорогой, он в ужасе уставился на Азазеля.

– Что... что, – пролепетал он, стуча зубами, – было... Что было, Азазель?

Азазель сказал нервно:

– Хорошо, хоть не меня обвинил, как ты любишь.

– Что...

– Держать себя в руках не умеешь, – прошипел Азазель и оглянулся на дверь. – Распустился, как либерал какой!.. Прямо глобалист... Но какой же я умница, сам поражаюсь...

– Азазель, – проговорил Михаил слабым голосом.

– Я как чувствовал!.. – сказал Азазель с удовлетворением. – Потому что ловлю вибрации вселенной, как звуки мировой арфы. Я в самом деле великий музыкант, а то и вовсе композер! Думаешь, зря велел тебе спать отдельно? Срочно учись контролировать себя и свои животные позывы. Это касается не только Обизат, понял? В лед не так и страшно, погубишь только себя, это можно, не жалко, хуже – если в пылающий факел или раскаленную болванку! Устроишь пожар в квартире, а здесь дорогая мебель, можно сказать, эксклюзивная из Китая.

– Азазель...

– Но и это еще не все, – сказал Азазель с жаром. – Может быть намного хуже!

Михаил пробормотал:

– Что еще хуже?

– Что? – изумился Азазель. – А уписаться в постели, когда спишь с Синильдой? Или, прости, Обизат? Ты как-то рас-скакался по женщинам! Нехорошо для светлого ангела. Хотя Макрону вообще-то можно, но ты сейчас вообще какой-то элементарь! А здесь элементарить нельзя.

Михаил горько улыбнулся, Азазель всегда Азазель, сказал тоскливо:

– Как же сложно быть человеком... Но как контролировать себя во сне?

– А как контролируют другие? – ответил вопросом на вопрос Азазель. – Все мочились в детстве, но потом как-то обуздали себя? А ты вроде бы в чем-то местами уже взрослый! Синильда ничего не сказала, значит взрослый...

Михаил промолчал, уже углубляясь в себя, Азазель подо-ждал, сказал со вздохом:

– К счастью, ты пока что спал в одиночестве. Хороший я ритуал с ходу придумал? Но святые законы, как ты помнишь, не рекомендуют мужчинам ночевать в доме одним.

Михаил буркнул:

– Мне побольше семи лет.

Азазель отмахнулся:

– Все меняется со временем, Мишка. В старину Лилит предпочитала посещать, ты прав, мальчиков до семи лет, потом вообще забросила это дело, но ее дочери не забросили...

Так что в наших случаях рекомендации Святой Книги то же самое, что запрет. К тому же Обизат чуть не ревела в горькой обиде. Бедная девочка не понимает, за что ее отстранили.

Михаил прошептал в муке:

– Ну не могу же я вот так взять себя под контроль во сне так же, как беру днем?

– У тебя уйма времени, – напомнил Азазель, – девать некуда. Вставай, одевайся. Сейчас нагрейся, высуши постель. Или пусть Сири займется. Она ничему не удивляется и не задает вопросов. Хоть до самого утра, а потом до вечера упражняйся, качай бицуху в том месте. Там тоже есть мышцы! У мужчин они везде, а у тебя даже в мозгах. А то Обизат, когда придет в ночной рубашке и спросит...

– Ладно-ладно, – прервал Михаил. – Просто расскажи, как взять себя под полный контроль?

Азазель сделал большие глаза.

– Кто из нас человек?... Я мятежный ангел. Никогда не писался в постели. У меня и постели не было! Да и спросить не у кого. Разве что Метатрон пускал под себя лужи, когда был человеком! Но его опыт не пригодится. Сядь, покопайся в себе, перевоплотись в интеллигента, хотя, понимаю, противно, но если надо, то надо. Мы же тайные службы! Служим человечеству по принципу самозанятости и ложно понимаемого патриотизма. Знаешь как морскую пехоту тренируют?.. Хошь я тебя сам?

Михаил отшатнулся:

– Нет-нет, спасибо!

Глава 4

Упражнялся до утра, а когда на кухне загорелся свет, явился Азазель, похвалил, что уже не спит, помог привести в порядок комнату и постель.

Михаил вышел вслед за ним в гостиную, огляделся. На диване большой клетчатый плед, две подушечки, маленькая и совсем маленькая, на полу кокетливые домашние шлепанцы.

– А где Обизат?

Азазель отмахнулся:

– Отправил в ванную. Там целый женский мир, надолго задержится.

– Что ты всех их в ванную отправляешь? – спросил Михаил. – У тебя там магазин женского белья? Да и рискованно, девочка ничего не знает о мире людей. А вдруг наестся мыла?

– Пусть ест, – разрешил Азазель. – Там целый ящик. А в углу коробка шампуней нераспечатанная. Правда, зубной пасты мало... Если съест, да еще с тюбиком, гм... Ладно, мне для твоей верной спутницы ничего не жалко. Сейчас надо думать над главной проблемой.

– Как закрыть Врата Ада?

– Сечешь, – ответил Азазель.

Михаил уточнил:

– Сперва хотя бы найти.

– Верно, – согласился Азазель. – Как думаешь, где они?

Михаил посмотрел исподлобья.

– Это у тебя такие шуточки?

– Что ты, – запротестовал Азазель. – Просто слышал идиому «Постучать в Михаила». Но, наверное, в тебя стучать еще рано. Не созрел. Тогда, видимо, нужно спросить у Гамалиэля.

Михаил зябко повел плечами, перед глазами встала страшная картина, как убегали по чудовищно преобразившемуся миру от рассвирепевшего монстра-великана.

– У Гамалиэля или Нахшиэля?

– Хороший вопрос, – согласился Азазель. – Боюсь, в ипостась Гамалиэля он возвращается настолько редко, что... может быть, уже никогда. В любом случае, нам попасть будет сложно.

– Вот-вот, – сказал Михаил. – А к Нахшиэлю, извини, приближаться не рискну. Это раньше я был сильнейшим архангелом, а сейчас, увы, иные времена, иные права.

Азазель взглянул на него испытующе, вздохнул, но промолчал. С кухни потянуло зовущими ароматами, донеслось звяканье металлической посуды.

– Сири старается, – сообщил Азазель. – Пойдем, она не любит, когда остывает.

Михаил промолчал, опять шуточки, мебель не может любить или не любить, потащился следом, пару раз оглянув-

шись на двери далекой ванной комнаты.

Обизат явилась такая же свеженькая и умытенькая, как и вчера, торопливо села рядом с Михаилом, посматривая на него с прежним обожанием, но ему все-таки чудилось, что обижена невниманием: тяжелый рейд закончен, можно отдохнуть, а он ведет себя так, словно все еще в походе, а в постели держит не женщину, а обнаженный меч.

– Что сегодня? – спросила Обизат.

– Тебе отдыхать и обживаться, – ответил Азазель. – Первый день в этом мире людей, это не какой-то там ад! Здесь покруче... Не спеши, не наделяй глупостей. Скоро придут наши боевые друзья Бианакит и Аграт, держись вежливо, не хами, как обычно делает Мишка.

Она в удивлении бросила взгляд на сосредоточенного Михаила, ответить не успела, за спиной мелодично звякнул сигнал. Михаил снова посмотрел в сторону входной двери, по взмаху руки Азазеля включился широкий экран на стене.

Возникло хмурое лицо того самого Авазарника, что вечером докладывал о каком-то красном монстре.

Азазель жестом укрупнил изображение, Михаил теперь видел на лице Авазарника каждую морщину и поклялся бы, что на экране самый обычный заурядный человек и ни разу не демон.

– Что-то раскопал? – спросил Азазель с вялым интересом.

– Хуже, – ответил Авазарник. Наткнувшись на непонимающие взгляды, сказал с заметной досадой: – Нет, не зако-

пал!.. Вы там у себя важные вопросы решаете, а для меня нет сейчас ничего важнее, чем этот гад.

– Появился? – догадался Азазель.

– Еще как, – ответил Авазарник с угрюмой злостью, – в его охотничье угодье забрел некий турист! Вот местный и освоил это глупое существо, чтобы больше не забредало в чистые края из своего вонючего города.

Азазель поморщился.

– Хреново таможня работает. За то, что такого пропустили в мир людей, нужно снимать головы. Подобное дискредитирует власть. Пусть она и не совсем легальная.

Обизат нахмурилась и посмотрела на Авазарника с суровым осуждением. Михаил помалкивал, уже зная манеру общения Азазеля.

Авазарник сказал с вызовом:

– Скажи еще, за взятки пропустили! Никто никого не пропускал!.. Я трижды переспросил и перепроверил. Кстати, на той стороне клянутся, что и там таких нет. Это какой-то особый. И появился прямо здесь. Так что уж как-то прими меры, пока среди людей не началась паника.

Азазель некоторое время рассматривал его с таким безразличным вниманием, словно занозу в пальце.

– А как он выглядит? Что в нем непонятного?

– Мне кажется, – ответил Авазарник быстро, – он вообще... не живой, что ли?.. Просто из земли выпячивается большой ком глины, превращается в человека...

– В человека?

– В подобие, – уточнил Авазарник. – Так говорят. Хватает дурака, что подходит рассмотреть и потрогать, и утаскивает под землю. Похоже, там и жил, а теперь вот пробудился. Я же говорю, страшные времена наступают!..

Азазель вздохнул.

– Ладно, до обеда поищем о нем хоть что-то, а после обеда будем у вас. Дай точные координаты места... ну, сам понимаешь...

– Да, – сказал Авазарник. – С точностью до метра. А вот вам последние фото с места нашей радости. Говорят, обожаешь приключения?

На экране появилась фотография участка леса с высоты верхушек деревьев. Потом еще несколько пониже и с разных ракурсов. На каждом пятно красной глины, едва заметное на первом, на остальных шире и детализированнее.

На двух последних Михаил рассмотрел в траве на самом краю красной глины ружье и разбросанные в беспорядке блестящие латунные гильзы.

– Отключаюсь, – донесся голос Авазарника.

Щелкнуло, но фотографии остались, Азазель увеличивал на некоторых участки, всматривался с самым задумчивым видом. Михаил уже ожидал какую-то шуточку, Азазель минут пять уже предельно серьезен, а для него это непривычно, однако тот еще раз увеличил фото гильз, словно любясь солидным блеском, почти не уступающим золотому.

Обизат допила кофе, подумала, глядя на обоих, поднялась с чашкой в руках.

– Можно, пойду помою?

– Только осторожнее на кухне, – предупредил Азазель. – Пусть Сири все покажет и расскажет. Вживайся! Будешь Михаилу носить тапочки.

– Буду, – ответила она преданно.

– В зубах, – уточнил Азазель.

– И в зубах, – ответила она послушно.

Разочарованный Азазель повернулся к экрану, где Михаил, осваиваясь с техникой, то увеличивал, то уменьшал изображение.

– Вот-вот, – сказал Азазель, – задержи этот кадр. Не думаю, что человек с таким ружьем стрелял в белый свет, как в копеечку. Обычно эти мужички прижимистые, даже патрон не изведут вхолостую, а тут больше десятка.

– Был очень напуган? – предположил Михаил.

– Или противник двигался чересчур медленно, – сказал Азазель. – Как черепаха или вон ты. Можно было истратить хоть две дюжины патронов, а потом отступить.

– Но не успел, – согласился Михаил, проигнорировав ехидный намек на его медлительность, Азазель не Азазель, если не укусит, не лягнет или не будланет. – Но тогда тот был, наверное, слишком пьяным?

– Вполне возможно, – сказал Азазель. – Охота – повод выпить на природе. Как и рыбалка. Хотя для выпить всегда

есть повод, если человек достаточно интеллигентный.

– А если не интеллигентный?

Азазель широко улыбнулся.

– Неинтеллигентному не нужен повод, как вот мне, свободному и раскованному демократу с либеральными ценностями, но с тайной симпатией к зверскому тоталитаризму. Думаю, нужно поискать сведения насчет этого... демона.

Михаил ощутил заминку перед последним словом, взглянул в упор:

– Погоди. Полагаешь, не демон?

– А кто же еще? – спросил Азазель. – В природе только ангелы, демоны и люди. В термин «демоны» входит все, что не ангелы и не люди. Даже элементали и языческие божки. Как еще стихийные явления не включили, типа ветра, грозы или землетрясений!.. Хотя, признаюсь, такого демона я сам еще не встречал. И даже не слыхивал о подобных.

– Что-то совсем редкое?

– Я и о редких слышал, – сообщил Азазель несколько заносчиво. – Меня вообще-то можно именовать Азазелем Мудрым или Азазелем Всезнающим...

Михаил оборвал строго:

– Всезнающ только Господь!

Азазель ухмыльнулся:

– Я уже объяснял тебе, неучу, что даже Господь не всезнающ, хотя, правда, по собственному желанию. Ему так интереснее, хотя для общественности это подается как доверие

к человеку и предоставление ему полной свободы даже от самого Творца... Но давайте сосредоточимся на этом странном... гм... существе. Слишком уж в нем много необычного. А то, что из красной глины, напоминает кое-что очень давнее и почти забытое, хотя и постоянно маячит перед глазами.

Михаил насторожился.

– Ты о ком?

– О человеке, – ответил Азазель снисходительно. – О том, кто мера всех вещей и венец творения, хотя всего лишь пестух с плоскими ногтями. Адам вылеплен из красной глины, разве не помнишь? И даже так и назван...

Михаил смолчал, переваривая услышанное. Да, слово «Адам» означает «красная глина», но при чем здесь человек и этот странный демон, если это демон или монстр, что, как уверяет Азазель, единственный в своем роде...

Азазель поднял руку над головой и сделал жест, словно вкручивает лампочку.

– Сделаю, – донесся голосок из кухонной стены.

Михаил спросил с подозрением:

– Это чего?

– Большую чашку кофе, – пояснил Азазель. – Это со времен, когда голосового ввода еще не было. Я консерватист временами, люблю антиквариат, хотя и не переносу.

– Тогда и мне большую, – сказал Михаил.

– Наркоман, – произнес Азазель с удовольствием. – Вот так и начинается падение.

– А ты?

– Я уже падший, – сообщил Азазель с гордостью. – Мне можно. Мои великие достоинства все перекрывают!.. В любом падении есть свои высоты, не знал?.. Ладно, я пошел в так называемый кабинет, там у меня кое-какие старые тексты.

Михаил напомнил:

– Ты говорил, в инете есть все.

– Есть, – согласился Азазель, – но в Греции все равно больше.

Михаил потащился за ним в его Грецию, в комнате Азазеля в нижних ящиках необъятного стола отыскиались древние книги, неоцифрованные, как непонятно выразился Азазель, но когда он вытащил одну из них, раскрыл на столе и с самым сосредоточенным видом начал перелистывать ветхие страницы, Михаил сам ощутил заметное почтение.

Некоторое время из-за плеча Азазеля всматривался в древние полустертые буквы и примитивные рисунки, пока ничего понятного, но Азазель довольно похмыкивает, возможно, уже нашел какие-то ниточки, хотя, может быть, читает подробности, что там патриархи увидели, когда подсматривали за купающейся Сусанной.

Наконец Азазель откинулся на спинку кресла, потер кулаками глаза.

– Что там на кухне так пахнет? Ого, скоро обед?.. Пойду посмотрю. А ты книгу закрой, если вздумаешь отойти от

стола, понял?

– Дафы? – спросил Михаил.

– Да, – ответил Азазель. – Только и караулят, гады.

Михаил покачал головой:

– Разве буквы в таких книгах дафы могут смешать?

– Рядовые не могут, но ко мне рядовые не рискнут.

Он вышел, Михаил остался у стола, краем уха прислушивался к голосам на кухне, там еще и звяканье с лязганьем, ароматы жареного мяса начали протискиваться под дверь жаркой аппетитной волной, словно Азазель принялся жрать в одиночку.

Не утерпев, он заложил открытые страницы красной ленточкой, закрыл книгу, тяжелый латунный переплет не позволит открыть никому, кроме владельца, и тоже поспешил на кухню.

Азазель уже помогает Сири вынимать из духовки жареное мясо и птицу, управляется гораздо быстрее, чем та манипуляторами. Обизат расставляет по столу тарелки, улыбнулась Михаилу так светло и лучисто, что у того подпрыгнуло и опустилось сердце еще ниже.

Азазель с веселым раскрасневшимся лицом оглянулся на соратника.

– Книгу закрыл? – поинтересовался он. – А то Элиэзер Сар А-Далим только и караулит, у нас с ним старые счеты.

– Поймай да отлупи, – предложил Михаил. – Чтоб твою квартиру обходил десятой дорогой.

Азазель поморщился.

– Как по-солдатски. Неинтересно, не находишь? Пусть помучается ожиданием.

– Не нахожу, – ответил Михаил. Он опустил за стол, потянул ноздри. – Какой повар в тебе пропадает...

– Во мне ничто не пропадает, – заверил Азазель бодро. – Я многогранная личность!.. Но у меня порядок, все по рангу, никто не пытается занять чужое место. Это те, кому не удастся, вынуждены заводить другие сущности, как вон Гамалиэль...

Михаил снова потянул носом ароматные запахи.

– Что-то часто едим... Мы только что завтракали. Или то был ужин?

– У тебя траблы с восприятием времени, – обвинил Азазель. – Ты что, животное?.. Человек ест, когда изволится!.. А то и когда возжелается.

– Но ты же...

– Я человек, – заявил Азазель гордо. – Хотя очеловечиться трудно, для этого нужно пересмотреть многие ценности, что и не ценности вовсе, но я весьма как бы сумел и преуспел! Скромно говоря, я самый человечный из людей, не считая, конечно, Владимира Ильича.

Сири произнесла деловито:

– Мясо готово. Подавать?

– Не видишь, – ответил Азазель сварливо, – ложками стучим? А Мишка нож держит как-то угрожающе, будто не мя-

со готов разделывать, не мясо...

Обизат сказала обидчиво:

– Зачем говоришь неправду?

– Нет на свете правды, – сообщил ей Азазель, – как и справедливости! Тем более нет истины, как убедился Пилат. Зато верно все то, что говорю я, хотя понимать нужно иносказательно... Спасибо, Сири!.. Мишке тоже положи, он застенчивый.

– Я сама, – быстро сказала Обизат. – Он мой хозяин и повелитель!..

Азазель сказал со вздохом:

– За меня кто бы так дрался... эх, почему Мишке везет?

– Он добрый, – возразила Обизат обвиняюще, – а ты злой и наглый. А еще и хвастливый!

– Так есть же чем хвастаться, – ответил Азазель скромно. – Я весь из достоинств, даже противно. Еще вина?

– Вино вредно, – заявила Обизат.

– Это кто тебе такое сказал? – изумился Азазель. – Родители?

– Сири сказала, – пояснила Обизат. – Она не врет, я ей верю. Она хорошая.

– Куда мир катится, – вздохнул Азазель. – Железяке верят больше, чем демону!.. Налей мне тогда еще, все равно вселенная когда-то схлопнется. А насчет монстра из глины, как мне кажется, ноги растут еще из тех времен, когда Творец создавал из глины нечто необычное, что сперва так и назвал

красной глиной, а потом уже некогда было менять или просто забыл. Такое вот у меня очучение.

Михаил пробормотал:

– Зачем менять? «Адам», звучит неплохо.

– Ну да, – согласился Азазель. – Мог бы назвать суглинком или подзолом, глеем, а то и черноземом!

Михаил спросил с настороженностью в голосе:

– Но... Адам здесь при чем?

– Видишь ли, – ответил Азазель задумчиво, – мы видим только конечный результат, по нему и судим, что верно, конечно. А сколько было раньше подходов к штанге, предварительных и неудачных, не считаем и вообще внимания не обращаем. Как и вообще на черновики. Но есть предположения в ряде источников, что Всевышний к акту творения человека подошел с особой тщательностью, делал заготовки, пробовал варианты... Слыхал старинную легенду, что, когда Творец решил создать человека, он привлек в помощь ближайших ангелов? Один лепил правую ногу, другой левую, третий и четвертый создавали руки, кто-то старался над торсом, кто-то над ягодицами, а одному досталось лепить пенисы...

Обизат поднялась из-за стола, гордая и надменная.

– Пойду на лоджию, – сообщила она, – если вы не против.

Глава 5

Михаил проводил ее взглядом, а когда она переступила порожек и плотно прикрыла за собой застекленную дверь, сказал с осуждением:

– Ну вот, девушку обидел... То был ты, кто лепил те штуки? Всегда ищешь работу полегче.

Азазель ехидно заулыбался.

– Это же апокриф, чудило!

– Что такое... апокриф? Гиппогрифа знаю, видел, ты как-то держал у себя дома... ну, когда королем зачем-то был, а вот апокриф...

– Апокриф, – заявил Азазель победно, – почти то же самое, что красивая гипотеза, не подтвержденная фактами! Вроде чеширского кота Шредингера, что ходил налево, а потом сказки говорил... В общем, когда ангелы закончили работу и нужно было составлять части вместе, оказалось, что каждый успешно справился, у всех все как надо, только тот, который лепил пенисы, наделал их целую кучу.

Михаил все еще смотрел в красивую прямую спину Оби-зат, она остановилась у перил, опустив на поручень красивые узкие ладони, и смотрела, судя по наклону головы, вниз и вдаль.

– То был точно ты, – сказал он уже уверенно. – Катнул пар раз в ладонях комок глины, всего-то делов... Всегда такие

работы выбираешь!

Азазель продолжил невозмутимо:

– Творец составил из слепленных ангелами частей тело человека, вдохнул в него душу, а из горки пенисов велел слепить еще одного, чтобы глина не пропадала зря. Ангелы уже без него слепили и получился человек, которого так и называли пенисным. Или как-то иначе, уже плохо помню...

– Брешишь, – сказал Михаил. – Даже я слышал такое прозвище, которое как-то иначе, не при Обизат сказано!.. Это брехня, да? Разве кто-то из ангелов Господу помогал?

– Мешать мешали, – согласился Азазель, – а какие из бестолковых ангелов помощники?.. Особенно был там один меднолобый солдафон, патриот и монархист, вообще не понимал, что Всевышний творит, но твердил, что все, сделанное Господом, – хорошо и правильно, а еще обсуждению не подлежит! Представляешь тупицу?.. Хотя, конечно, в апокрифах много и правды, потому церковь что-то в них признает, что-то нет... Но меня интересует другое. Куда делся первоначальный вариант Адама?.. Черновой вариант?..

Михаил подумал, стараясь вспомнить то далекое время во всех деталях.

– Меня там не было, – сообщил он, – не бреши, я был занят более важными делами. Только слышал потом, что Господь сотворил и какое-то двуногое животное, достаточно мерзкое и уродливое. Даже объявил его будущим властелином мира и велел ангелам поклониться ему и признать вер-

пиной творения. Да, помню, по Брию и даже Ацилуту прокатилось недовольство. Когда такие волнения, кто будет обращать внимание, куда делась глина, из которой Господь лепил что-то непонятное?

– Эх ты, – сказал Азазель безжалостно, – чем ты мог заниматься таким важным, что пропустил акт сотворения человека?.. Видишь, как со временем меняются оценки важности событий прошлого?.. Ладно, нужно отыскать тех, кто присутствовал. Кто-то да помнит подробности, которые тогда выглядели несущественными, а сейчас смотрятся крайне важными.

Михаил наморщил лоб.

– Дай вспомнить... Точно были, судя по рассказам, Люцифер, Велиал, Аскара, Карцефони... еще толпа каких-то безликих, что даже не поддакивали, а просто торчали там и смотрели тупыми, как у глубоководных рыб, глазами. Конечно, был Сатан, что вечно мешал советами и предложениями.

Азазель вздохнул.

– Мишка...

– Что?

– Похоже, – сказал Азазель с неохотой, – наступает этап, когда придется только тебе. Я на небеса не вхож...

– Не брешь, – уличил Михаил. – Никто тебе туда дорогу не закрывал.

– Ага, – сказал Азазель нервно, – только появлюсь, ваши чинуши ухватят и поволокут на небесный суд. Конечно, хрен

что докажут, обвинения рассыплются, я же умница, а они дураки набитые, но на препирания уйдут годы, а мне и минуту терять жалко!.. Мы на земле, Мишка, а здесь все ускоряется и ускоряется!

Михаил подумал, вздохнул.

– Со мной будет что-то похожее. На объяснения и разъяснение своих действий уйдет слишком много времени. Пусть не годы, но ты прав, у нас нет лишней минуты. А в момент разбирательства я не могу все бросить и самовольно вернуться на Землю. Расценят как признание вины.

– Тогда как?

– Не знаю, – ответил Михаил и с надеждой посмотрел на него, – ты хитрый, ты думай.

– Думают не хитрые, – уточнил Азазель, – а мудрые, но тебе повезло, я и есть сама мудрость и даже красота, которую пока вижу только я, но потом увидит и ошеломленный моим величием мир... Давай начнем с того, что все же припомним или как-то восстановим имена всех, кто тогда присутствовал при таком эпохальном акте.

– Зачем?

– Не все, – напомнил Азазель, – остались в Брие, как было до того момента. Сатан, как ты наверное слышал, вообще был каким-то гадом повергнут в жестокой битве и, как говорят, низвергнут... есть такое слово?.. ага, низвергнут в специально созданную для него и его сторонников тюрьму, названную потом Адом.

Михаил нервно покосился на хоть и плотно закрытую дверь на лоджию, но все же слышно, как Сири мелодичным голосом рассказывает Обизат насчет солнцезащитных жалюзи, что сами накапливают энергию Солнца, потом освещают квартиру, сами закрывают окна на ночь, а утром сами поднимаются.

– Тот гад, – возразил он злым шепотом, – что вовсе не гад, а преданнейший Господу воин, поверг не Сатана, а Люцифера! И хотя это как бы одно и то же, но ты сам знаешь, Люцифер уже давно не Сатан... Предлагаешь спросить его?

Азазель взглянул на него с интересом:

– Вот так просто?.. Я вообще-то думал насчет ангелов. Которые там, наверху. Хотя там не верх, но мы говорим языком народа, как демократы, не так ли? А идти с таким странным и мелочным вопросом к самому Люциферу, то бишь Сатану...

– А что?.. Адом правит Самаэль, вся политика и администрирование на нем. А Люцифер вроде аятоллы, духовного вождя. У него достаточно свободного времени.

– А не Сатан у них духовный вождь? – спросил Азазель с сомнением. – Видишь, что значит с головой влезть в житейские мелочи, крупного не замечая. Хорошо, попробую закинуть удочку к Сатану, а ты повспоминай разговоры, насчет кто присутствовал при акте творения... Если среди них отыщутся те, что потом ушли со мной в знак протеста на Хермон, их навещу уже я... Здесь много скрытого, Михаил!.. Ты вон не замечаешь, что и тобой манипулируют...

– Ты о себе?

Азазель покачал головой.

– Ты просто ответь, кто послал тебя по мою шкуру?.. Да, ты говорил, что сам и по своей воле. Но кто тебя подтолкнул, что ты вот так вдруг решил прекратить мои якобы бесчинства и доставить меня на суд небесный?.. Вспомни, если получится. Ты слишком честен, чтобы замечать какие-то интриги, но они от этого не исчезают.

Михаил нахмурил лоб, чувствуя досаду на себя. Как стратег небесного воинства, занимался только мирозданием в целом, не обращая внимания на мелочи, а интриги как раз и совершаются незаметненько, постепенно подталкивая ничего не подозревающую жертву к какому-то решению.

– Не помню, – сказал он с досадой. – А зачем тебе?

– Умная сволочь орудует, – ответил Азазель с похвалой. – И явно много знает. Эта сволочь могла бы нам помочь.

– Помочь?

– Хоть и против своей воли, – пояснил Азазель с неприятной улыбкой. – Нужно задавать правильные вопросы и уметь спрашивать.

Михаил ощутил, как по телу прокатилась мелкая дрожь. То ли силы элементаря пытаются выйти из-под контроля, то ли гребаная человечность пробудилась, но вздрогнул так, что зубы лязгнули, будто перекусил берцовую кость.

– Азазель, – напомнил он устрашающим голосом, – не наглей. Там такая мощь... А ты, как догадываюсь, о любимом

занятии типа ломать пальцы да сдирать кожу.

– Хорошее дело, – ответил Азазель. – Молотком по пальцу – это же весьма так!.. Впечатляет. Но ты прав, пока оставим. Займемся тем, что проще. От малого к большому, сперва молотком по пальцам, потом...

Михаилу показалось, что Обизат перестала рассматривать город внизу и начала прислушиваться, перебил:

– Кстати, как там Бианакит и Аграт? Он обещал прийти утром.

Азазель пожал плечами.

– Наверное, все еще осваиваются. В квартирах. Один он бы уже пришел, а если с Аграт, то ты же знаешь, как женщины собираются!.. И вообще Обизат надо бы вывезти в город, показать красоты, чтобы не смотрелась дикарем. Бианакит более-менее знаком, а Обизат может опростоволоситься... а это опасно.

Дверь лоджии приоткрылась, Обизат спросила опасливо:

– Вы уже наговорились о своих мужских проблемах?

– Мы больше о женских, – сообщил Азазель. – Михаил предложил прогулять по городу Бианакита, познакомить его с современной цивилизацией людей.

Обизат сказала быстренько:

– А я?

Азазель надменно вскинул брови.

– Кто тут питтит?.. Вообще-то да, ты тоже, раз уж тебе жить в этом мире. Но Михаила оставим. Он местный, ему

уже тошно от этого города, его душа рвется в джунгли и саванны.

– Моя душа тоже туда рвется, – быстро сказала Обизат. – А что такое джунгли и саванны?

Азазель поднялся, подвигал плечами, разминая мышцы. Обизат с недоумением смотрела, как он вытащил из нагрудного кармана и поднес к уху тонкую блестящую пластинку.

– Аграт, – сказал он весело, – мы дома. Ждем вас с Бианакитом. А вечером будем есть рождественского гуся!

Обизат слышала далекий женский голос, слов не разобрала, но Азазель с довольным видом сунул коробочку обратно.

– У них все в порядке, – сообщил он. – Скоро придут.

Михаил спросил с непониманием:

– Разве сейчас Рождество?

– Мы вольные художники, – объяснил Азазель, – у нас Рождество хоть каждый день. Вообще все сдвигается, как нам требуется, и столько раз в году, сколько нужно!

– Наглая свинья, – сказал Михаил с сердцем. – Нет в тебе почтения к святыням.

Азазель вздохнул.

– Ладно, понял... Обизат, Мишка от гуся отказывается, он честный.

– При чем тут гусь? – запротестовал Михаил. – Я говорю о принципах!

– Хорошо-хорошо, – согласился Азазель. – Гусь отдельно, принципы отдельно. Так?

– Так, – буркнул Михаил, хотя не оставляет чувство, что все равно Азазель в чем-то надул или обыграл. – Но человек должен быть принципиальным, как я слышал. Это кредо, заложенное Господом.

Обизат тихохонько подошла к Азазелю, в огромных изумрудно-зеленых глазах застыло патетическое недоумение.

– Как ты говорил с кем-то?

Азазель кивнул на Михаила:

– Вообще-то должен научить он, но уж ладно, пусть учит другому, бесстыдник, заодно и сам поймет, а я введу тебя в курс молодого бойца. Люди все бойцы, за светлый и радостный апокалипсис бьются неустанно. Садись, буду объяснять. Нет, погоди, закажу и тебе смартфон, сейчас доставят самым быстрым из дронов, аллюр три креста!

Михаил прошелся по квартире, посмотрел во все окна. Первую неделю здесь жил, дожидаясь конца срока, когда заберет с собой Азазеля на суд небесный и снова надолго забудет про людей, у которых все сложно и запутанно. Теперь же придется задержаться в этом мире и, возможно, стоит подумать о своем жилище. А то даже Аграт и Бианакита Азазель поселил отдельно, а вот его пока не решается, нос вытирает...

Правда, Аграт то же самое, что и Синильда, или хотя бы ее часть, хотя и тут многое неясно, однако ее памятью, похоже, пользуется, иначе бы Азазель не отпустил в одиночестве... хотя нет, какое одиночество, за нею присматривает

Бианакит, что уже давно среди людей.

Кстати, Синильда хоть и не придет, как намекнул Азазель, пригласив только Аграт и Бианакита, но Синильда все же будет присутствовать. В какой-то мере, а это крайне как-то не так, остальным все равно, а ему придется сидеть, как на горящих углях...

Или Синильды все-таки не будет, мелькнула спасительная мысль. Хорошо, если бы нет. Как-то неловко, словно он уже совсем очеловечился. Хотя вообще-то он и есть человек, и не только потому что Макрон.

Глава 6

Со стороны двери на лестничную площадку прозвучал мелодичный сигнал. На экране домофона появилось квадратное лицо Бианакита, как всегда невозмутимое и без всякого выражения, а из-за его плеча блеснули из-под пышной гривы крупнолоконных чернящих волос веселые глазки Аграт.

– Открыть, – велел Азазель, не поднимаясь из-за стола.

На экране видно было, как Бианакит потянул за ручку двери, та распахнулась, и оба исчезли из обзора.

Через пару минут Аграт ворвалась в прихожую веселая и хохочущая. С ходу крепко обняла Азазеля и вlepила ему звучный поцелуй в щеку, тут же скользнула к Михаилу и, прижавшись к нему на короткое мгновение, прислушалась, отстранилась и посмотрела в глаза.

– А ты, герой... как себя чувствуешь?

– Пока не знаю, – ответил Михаил.

Он обменялся рукопожатием с Бианакитом, Аграт уже с любопытством рассматривала Обизат.

– А кто этот ребенок?

– Это уже половозрелая самочка, – вступился за Обизат Азазель. – Весь наш героический рейд, который войдет в анналы и перевернет историю, прошла с нами и не пискнула.

– Ого, – сказала Аграт. – А на вид такой хрупкий цветок. Как тебя зовут, дитя?

– Я не дитя, – ответила Обизат обиженно. – А зовут меня Обизат.

– Что-то я тебя не знаю, – сказала Аграт оценивающе. – Или ты человек?

– Прародитель моего рода, – ответила Обизат очень скромно, – порожден самим Талэ.

Аграт на миг запнулась, в ее черных, как мир до дня Творения, глазах промелькнуло нечто вроде уважения. Михаил не сразу вспомнил, что Талэ – одна из одиннадцати антисфирот, и если кого-то может извергнуть из своего чрева, то только существ, исполненных огромной темной мощи.

Азазель кивком указал на распахнутую дверь в гостиную: – Все за стол!.. За стол, за стол!

Обизат сразу же поспешно села рядом с Михаилом, вызвав снисходительную усмешку Аграт, та заняла место между Азазелем и Бианакитом, подчеркнуто наслаждаясь обществом двух сильных и отважных мужчин.

Михаил исподтишка поглядывал на Аграт и Обизат, обе почти одного роста и сложения, только у смуглолицей Аграт волосы черные как смоль, и в крупных локонах, выглядит отважной и дерзкой, а белокожая и с нежным румянцем на щеках Обизат смотрится тихим цветком с ее красными, как пламя, короткими волосами и дивными зелеными глазами слегка навывкате, как у молодого лягушонка.

И хотя Азазель как-то обронил, что Обизат сильнее Аграт, но в такое сейчас поверить трудно. Слишком много в Аграт

уверенной мощи и дерзкой силы, а Обизат держится как молоденький, но уже от кончиков ушей и до хвоста преданный хозяину щенок.

Бианакит за столом ведет себя с достоинством старого солдата, который не знает правил этикета, но чувствует, как не быть свиньей. Михаил ощутил к нему растущую симпатию, как к человеку, с которым надежно не только плечом к плечу в бою, но и вот так в быту.

Азазель тоже взглянул через стол на Бианакита:

– Как у вас?

– Все хорошо, – ответил тот кратко. – Особо не высовывались, обживали квартиры. Столько всего сложного! Ты хоть и объяснял, но я не все запомнил.

Азазель перевел взгляд на Аграт:

– А ты?

– Там квартирный демон, – сообщила Аграт со смешком. – Незримый, но услужливый. Подсказывал, что к чему. Как пользоваться телевизором, Интернетом и прочими сложностями. Только как двигать жалюзи, еще не поняла... А как у вас?.. Зачем отобрали у родителей ребенка?

Обизат бросила на нее недовольный взгляд, но промолчала с самым высокомерным видом.

– Налегай на гуся, – посоветовал Азазель. – Вы с Бианакитом хорошо и славно потрудились, теперь наедайте бока до новых испытаний. Вон ту подливу я собственноручно приготовил.

Из-под потолка раздался обиженный голос:

– Ну да, собственноручно!

– Почти, – уточнил Азазель. – Вообще-то сделала Сири, но как могу удержаться и не присвоить результаты ее работы? Какой из меня тогда Азазель? Стану почти Мишкой, это он у меня такой честный, аж противно, будто глотаю старую толстую жабу с базедовой болезнью.

Обизат нахмурилась, а Бианакит, перехватив ее злой взгляд, подмигнул дружески. Она чуть расслабилась, Азазель будет не Азазелем, если кого-нибудь да не обидит, а ее господин и повелитель на такие дурости не обращает внимания.

– Чем займемся? – спросил Бианакит.

– Не терпится в бой? – поинтересовался Азазель. – Здесь и так вечный бой. Но, думаю, скоро придется вступить в настоящую войну. Мир таков. Кто не дерется, того дерут.

Бианакит тяжело вздохнул.

– Только здесь вообще непонятно все. И так сложно.

– Еще сложнее, чем думаешь, – заверил Азазель с оптимизмом. – К тому же с каждым часом все сложнее!.. Но мы упростим. Пришло время простых и даже упрощенных решений! Пока совсем мир не сошел с ума. Даже Чацкий говорил, что от него одно горе.

Михаил промолчал, что-то звучит неправильно, хотя в самом деле мир настолько сложен и запутан, что просто непонятно, как люди в нем разбираются. Или скорее уже не раз-

бираются, но не признаются.

– Люблю простые решения, – сказал Бианакит. – Люди, правда, все усложняют, но сами же и упрощают дальше некуда!.. Это называется широтой натуры, да?

Азазель кивнул на бокалы с вином:

– Допивайте, я вас провезу по городу. Покажу, где бывать рекомендуется, куда лучше не показываться. Мишка, ты останься, изучи старые книги насчет всего-всего...

– Глиняного демона?

Азазель отмахнулся:

– Он не все-все. В первую очередь ищи намеки, кто может быть причастен к созданию порталов в наш мир. Хотя бы косвенно. А там пойдем по ниточке.

Аграт и Бианакит вышли в прихожую, Бианакит ждал молча, Аграт напомнила задиристым голосом:

– Командир, мы готовы!

Азазель повернулся, раскинул руки.

– Аграт, я думал, ты женщина!.. И будешь собираться до вечера!.. Все, выходим. Мне нужно в одно местечко заскочить, заодно и вас проветрю в животворном обензиненном воздухе с тяжелыми металлами и отсутствием антиоксидантов. Мишка, читай книги, ты же ботаник-милитарист. К нашему возвращению приготовься доложить и отрапортовать о непотребностях.

Михаил недовольно поморщился.

– Каких?

– Любых, – сказал Азазель, – что выходят за уставные отношения. И о происшествиях во время твоего дежурства на боевом посту! Если что-то прочтешь страшное – уже происшествие, верно?.. И, главное, тренируй мышцы. Те самые, о которых я сказал.

Обизат послушно вышла по его жесту в прихожую, Михаил только и успел увидеть, как на пороге крунулась перед зеркалом во весь рост, поинтересовалась звонким, как серебряный колокольчик, голосом:

– Разве какие-то мышцы могут отставать у моего повелителя?

Что ответил Азазель, Михаил не услышал, и это раздражало и тревожило, даже когда увидел из окна, как садятся во дворе в колесницу. Азазель лихо развернул авто на крохотном пятачке, мелькнуло за стеклом лицо Обизат, а дальше погнал со двора лихо и чересчур быстро, пренебрегая скоростным режимом.

Вздохнув, он закрыл окно и вернулся в кабинет Азазеля, где так уютно среди старых книг в солидных переплетах, где есть даже деревянные в коже и с полдюжины латунных, с позеленевшим от древности металлом.

Азазель прав, он слишком многое пропустил, мир изменился как здесь на земле, так и в Аду, однако по этим книгам можно проследить, как все происходило, когда медленно, а когда и ускорялось так, что события мелькали чаще, чем спицы в колеснице на полной скорости.

– Божьи жернова мелют медленно, – пробормотал он услышанное где-то на земле, – но муку дают превосходную. Только это замечается со временем, а мы все жаждем много и сразу...

Азазель все не возвращается, а он уже проголодался, наконец собрался с силами и как можно более уверенным голосом велел Сири сделать кофе и печенья, а когда в кабинет вкатила изящная тележка с большой чашкой черного кофе и грудой печенья на тарелке, воспрянул духом, что уже почти совсем освоился в этом странном жилище людей, где Азазель чувствует себя как рыба в речной воде.

Не столько по древним книгам, как по обширным записям Азазеля он понял, что, да, благополучные миры застывают в благополучии, а неблагополучные постоянно барахтаются, пытаются выбраться, а кто барахтается, тот выбарахтывается.

Все верно, мир изменился очень сильно и резко, как в Аду, так и в мире людей. В Аду возникали группировки, что усиливали влияние и боролись за власть, некоторое время царем всех демонов был Ашмодей, потом то ли сам ушел, то ли его ушли, преисподней правили то Вельзевул, то Теумиэль, однажды на троне сидел даже Заафиэль, Михаил помнил его как ангела Божьего гнева, но даже в Аду гневливость стараются купировать, чтобы удержать на низком уровне постоянно полыхающие войны между кланами.

Был властелином Картиель, ответственный за появление Кетриеля, считавшего себя короной мира и царем всех кли-

пот, иногда усиливались до опасных пределов совсем уж позабытые теперь демоны, пока снова власть не подгрел под себя Самаэль, хотя предпочитал больше действовать через свои воплощения Сатана и Люцифера, а иногда и Авриеля.

За это время Ад расширился до опасных пределов. Хуже того, менялся состав: самые опасные грешники, которым не видать прощенья, становились демонами, а люди, как известно, изначально хитрые, изворотливые и жестокие, так что Ад бурлит и вот-вот выплеснется наружу в мир людей.

По спине пробежала волна холода, предупреждая насчет беды, Михаил отложил книгу и встал, и тут же посреди кабинета вспыхнул слепяще-черный свет. Пространство свернулось тугими кольцами, как гигантская змея, а из этого ужаса вышел высокий и широкий в плечах мужчина с крупным породистым лицом и тяжелой нижней челюстью.

На Михаила пахнуло такой гордыней и непререкаемым величием, что сразу понял, кто вошел в квартиру Азазеля так неожиданно.

Все такой же властный и не терпящий противоречий холодный взгляд и властные движения, саркастически изогнутые губы. Если изменился, то разве что гордость обрела неслыханные размеры и стала гордыней, хотя уже не так откровенно раздувается от спеси и абсолютной уверенности в своей правоте.

Михаил бросил взгляд на свой меч, тот в ножнах и скромно висит на вешалке в куче разной одежды, отсюда не до-

стать, да и Сатан загроаживает к нему дорогу.

– Азазеля нет дома, – сказал он осторожно. – Вы к нему?

Сатан надменно огляделся, коротко взглянул на раскрытые книги. Щека дернулась, Михаилу почудилось, что мгновенно прочел их все, хотя скорее всего уже знает их содержание и оно ему очень не нравится.

– Почему? – потребовал он с властью хозяина. – Он же сам хотел меня видеть!.. Но мне стало любопытно, что это с ним случилось, вот прибыл сам, а его нет? Акт неуважения!

Михаил сказал почтительным тоном:

– Азазель неуважителен даже к Господу, это известно.

Губы Сатана презрительно искривились, но во взгляде заплясала знаменитая сатанинская усмешка, при взгляде на которую у Михаила по спине побежали мурашки.

Сатан оглядел его с головы до ног.

– Ладно, – произнес он властным голосом, взгляд его пронзил Михаила с такой мощью, что он ощутил, как внутренности превращаются в лед. – В другой раз... А ты кто?

Михаил съёжился, стараясь выглядеть поменьше и понезаметнее.

– Я?... Я просто человек... Вот читаю старые книги. Узнаю, как было...

Сатан продолжал рассматривать его с едкой иронией, а в голосе прозвучал ядовитый сарказм:

– Просто человек? Это тебя Азазель брал с собой в Ад? Да-да, мне сообщили, хотя могли бы и раньше, я бы сам вас

встретил... ха-ха, хорошо бы встретил!

Михаилу почудился в его страшном голосе зловещий намек, стиснул кулаки, чувствуя, как элементарь в нем уже устрасился и мечется, пытаясь сбежать от возможной схватки с самим властелином Тьмы.

– Я лишь выполнял приказы, – проговорил он упавшим голосом.

– Наверное, – прогрохотал Сатан, – хорошо выполнял... Совладать с Кезимом получилось. Я мог бы снова зауважать Азазеля еще больше, если бы не знал, что в старое доброе время способен был на нечто большее.

Михаил пробормотал:

– Куда уж больше. Кезим едва нас не угробил... Чудом уцелели. А вы кто?

– Его давний знакомый, – ответил Сатан с вельможной небрежностью. Он придвинул ногой кресло, опустился в него и с самым хозяйским видом кивнул Михаилу: – Ты тоже можешь сесть.

– Спасибо, – произнес Михаил кротко и сел. – Давний знакомый?

Сатан, развалившись в кресле, продолжал рассматривать его с вялым интересом.

– Да, – подтвердил он, – Азазель очень давний знакомый. Даже в некотором роде соратник. Пусть даже бывший... Кто я? Можешь называть меня Сатаном, Люцифером, Самаэлем или как угодно, у меня много имен и обличий.

Он впери́л в Михаила тот же острый взгляд, Михаил заставил себя улы́бнуться.

– Так я и поверю, что Верховный Князь Ада снизойдет до беседы со мной...

– Но это так, – сказал Сатан громыхающим и не терпящим возражений голосом. – Я изволил!.. Пока вот дожидаясь Азазеля.

Михаил выставил ладони.

– Хорошо-хорошо, предположим, что вы и есть он, Великий Князь, что снизошел... И что возжелали от простого смертного?

Он голосом и всем видом азазелил во всю, старался выказать, что не считает незнакомца Князем Тьмы, но спорить не желает, а готов выслушать, только бы тот побыстрее убрался, а то еще покусает, а прививка от бешенства довольно мучительная процедура.

Похоже, Сатан поверил, поморщился, на лице проступило еще и брезгливое пренебрежение лорда к простолюдину, что ничего выше сарая не видел и никого знатнее деревенского старосты.

Михаил дернулся, когда Сатан с видом величавой небрежности повел пальцем, и на столе между книгами из ниоткуда появились бокалы. Повел еще раз, и на самом толстом томе прямо на латунном переплете водрузился стеклянный графин с вином цвета крови.

Глава 7

Михаил не двигался, а Сатан шевельнул дланью, графин послушно поднялся в воздух. Темно-красные струи по изогнутой дуге полились в один бокал, во второй, наполняя до венчиков, изысканный аромат потек по комнате, заполняя от стены до стены и от пола до потолка.

– Пей, – предложил Сатан. – Люди же всегда пьют?

Он рассматривал Михаила пристально и неотрывно, а тот сжался в комок, чувствуя себя так, словно с Сатаном вошла целая темная вселенная, против которой он мельче мошки.

– Не всегда, – ответил Михаил с усилием, – и не все.

– А ты из каких?

Михаил заставил себя повернуться, хотя страшно быть к Сатану спиной, указал на книги в шкафу.

– Если буду пить, – ответил он осторожно, – не смогу понять мудрые мысли. Если буду пить много, не смогу даже читать.

Сатан саркастически хмыкнул:

– Недоверчивость – мудрость дурака. И вообще мудрость – сила слабых... Стоит ли к ней стремиться? Много мудрости – много печали... А если смогу предложить что-то более понятное и приятное? Например, власть, богатство, красивых женщин! Богатые дворцы, любую роскошь... Хочешь?

– В обмен на душу? – спросил Михаил. – Спасибо, нет.

Сатан усмехнулся:

– Кому нужна твоя душа? Я предлагаю не в обмен!

– А как?

Сатан сделал небрежный жест.

– А вот так, от своей щедрости. Без всяких условий.

Михаил постарался всем видом выказать удивление, переходящее в недоверие.

– Разве что-то вот так дается? Так не бывает. А где ловушка?

Сатан сказал с брезгливым нетерпением:

– Да нет ловушки!

Михаил покачал головой, Сатан смотрит с пренебрежением, как на ничтожного человечка, надо соответствовать, Михаил заговорил с деревенской рассудительностью:

– Человек, принявший такие дары, все равно погубит душу. А это все равно что отдаст ее Дьяволу, во власти которого вы находитесь. Власть и богатство развращают, разве не так сказано в этих книгах?

Сатан окинул его уничижающим взглядом.

– Книги пишут люди, – напомнил он. – А люди... все нынешние люди произошли от Ноя, большого любителя выпить и даже напиться вдрызг. А я не предлагаю тебе напиться сверх меры!

– Все сверх меры, – ответил Михаил настороженно. – Любая капля вина уже сверх.

– А ты, значит, – поинтересовался Сатан, – меру знаешь?

– Человек, – ответил Михаил где-то услышанным, – сама мера всех вещей. Скажите, странный гость, а что, Великий Князь Ада в самом деле может драться с человеком? Я думал, вам запрещено.

Сатан презрительно скривился.

– Драться? Что такое драться?.. Мы не пьяные простолюдины, что на кулаках или с кольями в руках. Правители сражаются армиями, а те, кто выше правителей, у тех и оружие посильнее. Не слыхал, что идеи рушат государства надежнее, чем армии? Или ты все-таки простолюдин из самого низа, что не отличит правую ногу от левой?

Михаил сказал осторожно:

– В смысле... в смысле, вы искушаете?

Сатан кивнул с предельным величием:

– Да, но в твоем случае что-то странное. В тебе нечто большее, чем то, что было дано. Я тебя не искушаю, кстати. Просто пока присматриваюсь.

– Это... как?

Сатан нервно дернул щекой.

– Хочу понять, что именно ты взял еще и сам. У вас, людей, такое часто. Сильные берут на себя столько, сколько могут вынести. А то и больше... У иных спины ломаются, но кто-то выживает и прет на себе такое... Что-то в тебе есть, есть. Азазель не взял бы с собой наивного простака, каким прикидываешься. Ни в Ад, ни даже в дом.

– Люди становятся сложнее, – проговорил Михаил, чув-

ствуя, что сказать что-то надо, Сатан смотрит пронизывающим взглядом и ждет, что разговор будут поддерживать. — Время такое, что ли...

— Не увиливай, — велел Сатан, — ты либо демон, принявший облик человека, либо ангел. Но то и другое неверно. Никто не может принять личину человека так, чтобы я не увидел. Ты человек, это несомненно, но что-то в тебе... темное.

— В человеке свет от создавшего его Господа, — напомнил Михаил, — и тьма от Сатана, совратившего первую женщину на свете, если поверить, что вы и есть тот самый Самаэль. Так что во мне и должно быть то и другое.

— Тогда ты должен знать, — сказал Сатан резко, — что все люди — мои дети!.. К тому времени, когда Адам и Ева после стотридцатилетней ссоры помирились и снова легли в общую постель, потомки Каина, к которым Адам не имел ни малейшего отношения, заселили всю землю!.. Пей, не бойся, вино не отравлено. Это невежливо!

Михаил нехотя взял хрустальный бокал, но когда сделал осторожный глоток, ощутил, что Сатан не обманул. Ничего лучше этого вина еще не пробовал, что и понятно, в небесных сферах вина нет, а вне их никто не знает насчет вина лучше, чем создатель виноградной лозы.

Сатан наблюдал за ним с понимающей усмешкой, дескать, все люди грешны и все склонны к пьянству.

Михаил, уже не противясь, допил и осторожно опустил

бокал на столешницу. Тот по движению брови Сатана наполнился снова, но Михаил покачал головой.

– Не все, – сказал он вежливо, – что Ной взял в собой в ковчег, стоило спасать из допотопной жизни.

– Не вино зло, – заметил Сатан, – а пьянство.

– Отговорка, – возразил Михаил. – Пьянство есть пьянство, умеренное или неумеренное. А насчет твоих детей, Каина и Авеля... Их воспитывали Ева и Адам. Эта благочестивая пара сумела привить им кротость и доброту...

– Ну да, – ответил Сатан саркастически, – сумели. Нет-нет, я тоже осуждаю Каина! Он убил не только своего брата, но и моего сына, за что через семь поколений и сам был убит своим потомком Ламехом, но... сколько к тому времени по земле кочевало людей, что вышли из его чресел, а также потомков его потомков? Жили тогда, если вдруг не слышал, не по семьдесят лет, как сейчас, а по семьсот!

– Кровь Сифа, – возразил Михаил, – единственного чистого сына Адама и Евы, со временем облагородила род человеческий.

– Еще бы, – ответил Сатан. – Настолько, что Всевышний намеревался стереть вообще человечество с лица земли! Едва-едва уговорили спасти лучшего из лучших, чистейшего из чистейших, им оказался пьяница Ной!.. Остальные были намного хуже. Откуда, по-твоему, в людях столько бунтарства? Откуда иррациональная любовь к нарушителям порядка, хотя все понимают, что закон необходим и что соблюдать

его надо, иначе все рухнет?.. Поживи здесь, узнай, кто такие Робин Гуд, капитан Блад, Скарамуш, Кармалюк, Ванька Каин, Довбуш... Песни поют о Робин Гуде, а не о правильном и доблестном блюстителе закона шерифе Гае Гисборне!

Михаил промолчал, в «поживи здесь» упрятан крючок, дескать, если он демон или ангел, то смолчит, потому после паузы пожал плечами.

– С детства слышу песни о пиратах, – сказал он, – а не о тех, кто их ловит и вешает. Ну и что?.. Одно дело петь о разбойниках, другое – самим... Хотя, да, удалось это внедрить в человека, удалось... А даже сейчас Господь его не останавливает, несмотря на то что тот ведет с Ним войну...

Сатан сказал резко:

– Я не веду войну и пока что ни единого запрета не нарушил!.. Искушать человека мне позволено и даже рекомендовано самим Творцом.

– Что? – переспросил Михаил. – Даже рекомендовано?

Сатан ответил уклончиво:

– Когда я просил разрешения доказать Ему, что человек недостоин получить в пользование этот мир, Он не только разрешил, чего ты не станешь отрицать, но и дал понять, что могу использовать все средства, конечно, в рамках правил, чтобы доказать свою правоту!

– Я бы не стал истолковывать, – отрезал Михаил, – как рекомендацию вредить человеку.

– Напротив, – возразил Сатан с ухмылкой, – я помогаю

человеку! Я всегда ему помогал. С самого первого дня.

– Когда подсказывал, как лепить Адама? – спросил Михаил уже с нарастающим и непритворным раздражением. – Или когда подговорил Лилит бросить Адама?.. Или когда в образе Змия соблазнил невинную и простодушную Еву, после чего понесла от тебя в своем чреве Каина и Авеля?..

Сатан ухмыльнулся:

– Это был прекрасный ход, не находишь?.. Каин убил Авеля, после чего расстроенный и напуганный Адам сто тридцать лет не подходил к Еве! За это время Каин наплодил потомства, как песка в пустыне. И когда наконец Адам и Ева, помирившись, родили сына Сифа, то к тому времени потомки Каина – мои потомки! – заселили уже весь известный тогда мир. Творец предостерег Сифа, чтобы его племя не смешивалось с греховным потомством Каина, но куда тем деться, когда везде натыкались на отважных сынов Каина и на его страстных и развратных дочерей!..

Михаил поморщился.

– Знаю-знаю, потому даже в лучшем из лучших, праведнике Ное, крови Сифа одна капля на чашу крови Каина, из-за чего он уже тогда был алкоголиком.

– Кстати, – сказал Сатан, – я против алкоголизма. А ты? Застигнутый врасплох Михаил буркнул:

– Против.

– Ну вот видишь, оба желаем благополучия и здоровья людям.

Михаил сказал мрачно:

– Но я на стороне Господа. Его желания – мои желания!

– Все мы были когда-то на Его стороне, – произнес Сатан раздельно. – Но детство кончилось. Кто ты?

Он смотрел вроде бы равнодушными глазами, в ладони бокал вина, голос спокойный и рассудительный, но Михаил замечал, как в его взгляде разрастается нечто злое, нехорошее и, главное, словно начинает видеть в нем скрытое, потаенное.

Эта сволочь обыгрывает меня, мелькнула тоскливая мысль. Это я пребывал, а он постоянно в жерновах власти, интриг, жестокой борьбы кланов, умеет вести разговор так, как хочет, набирает очки, а я теряю, теряю, теряю, вот-вот расколется меня до самой задницы, узнает все, что пытаюсь утаить...

Он попытался изобразить гнев, но ощутил, как возникла и нарастает доподлинная злость на себя за неумелость и на эту гениальную сволочь за полное превосходство в общении.

Сатан усмехнулся, когда Михаил резко встал и отодвинул стул. Бокал в руке Сатана заполнился вином по самый ободок, он осушил залпом, продолжая рассматривать Михаила прищуренными глазами.

– Во имя Господа!.. – сказал Михаил возвышенно и с пафосом. – Да будет Его слава с нами вечно! А ты, Сатан ты или не Сатан, но если берешь себе это подлое имя, изыди в свою крошечную тьму, нечистая сила!

Сатан усмехнулся, его острый взгляд пронзал Михаила, словно яркий свет крылышко бабочки, Михаил трусливо подумал, что вот так Сатан вскоре увидит все, что пытается от него скрыть.

– Или я тебя отправлю туда сам, – закончил Михаил.

Он метнулся в свою комнату, мелькнула мысль ухватить меч, но кто в этом мире пользуется таким оружием, рывком выдвинул ящик стола и, ухватив спрятанный там пистолет, бегом вернулся в кабинет.

Сатан сидит, раздвинув ноги и откинувшись на спинку стула, вальяжный и раскованный, но опустевший бокал уже поставил на край стола и смотрит на Михаила с насмешливым ожиданием.

Михаил вскинул пистолет.

– Изыди в Ад, демон!

Сатан сказал равнодушно:

– Стреляй. Комочки металла из этого оружия меня даже не коснутся. Ты все еще не веришь, кто перед тобой... Придется показать...

Он поднялся, громадный и массивный, возвышаясь как скала, однако от него почему-то пахло тяжелой волной ужаса и отчаяния.

Михаил торопливо нажал кончиком пальца на курок, прогремели три выстрела. Сатан с прежней саркастической усмешкой сделал вперед два шага.

– Ну что, видишь?

Михаил не успел среагировать, как рука Сатана удлинилась, пальцы раскалились и цапнули пистолет за ствол. Спасаясь от жара, Михаил инстинктивно выпустил рукоять, а Сатан небрежно швырнул пистолет на сиденье свободного стула.

– Ты демон, – сказал Михаил обвиняюще. – Подлый грязный демон!.. Тебе место в аду, я тебя туда отправлю...

Он ринулся на него, сжав кулаки и наклонив голову. Сатан отступил на шаг, Михаил начал с силой осыпать ударами, Сатан несколько раз ответил жестко и больно, отшвыривая его на середину комнаты, Михаил всякий раз вскакивал и бросался в бой.

Он сам чувствовал, как праведная ярость захлестнула с головы до ног, дрался люто и самозабвенно, как дерутся за самое святое в жизни и во вселенной, ребра затрещали от тяжелых ответных ударов, но этого гада нужно выбросить из созданного Господом мира в проклятый ад...

Он с отчаянием чувствовал, что голова уже гудит от ударов, кровь течет по разбитому лицу, во рту соленый привкус, но и Сатан осатанел, бьет жестко и с наслаждением, видя, как противник терпит поражение.

Дверь в трех шагах от схватки с треском разлетелась в щепы. Мелькнуло нечто темное, Михаил едва успел увидеть черные как смоль волосы в крупных локонах, а взбешенная Аграт уже вцепилась в руку Сатана.

– Нет!.. Не смей!.. Он мой!..

Сатан перевел на нее взор налитых кровью глаз.

– Ладно, убей его сама...

– Нет! – повторила Аграт с силой. – Не смей его убивать.

Сатан все еще держал крепко сжатый кулак у головы Михаила, Аграт наваливалась всем телом, но с таким же успехом могла бы попытаться сдвинуть с места горный хребет.

– Почему? – потребовал Сатан лютю.

– Потому, – отрезала Аграт. – Не смей!

Сатан перевел взгляд на измученного Михаила, лицо исказилось в злобной судороге, но совладал с собой и с огромной неохотой опустил кулак.

– Хорошо, – произнес он громовым голосом. – Но это в первый и последний раз, запомни!.. В следующий раз не посмотрю, что ты моя дочь!

Аграт вскрикнула:

– Спасибо!.. Ты не пожалеешь!

– Уже жалею, – отрезал Сатан. – Но что сделано, то сделано. Завтра жду тебя у себя для серьезного разговора!.. Ты посмотри, как ты одета!.. Распутные женщины одеваются скромнее!

– Но...

Сатан грянул гневным голосом:

– Завтра!.. Это повеление!

Михаил увидел его страшное лицо, на губах змеится хищная сатанинская усмешка, во взгляде безумная ярость, но властелин преисподней совладал с гневом и отступил на шаг.

Глава 8

За его спиной пугающе резко полыхнуло черное пламя, Сатан отступил еще на шаг, не сводя взгляда горящих гневом глаз с Михаила и Аграт, двинулся спиной в черноту, уже сам как часть вечной ночи.

В комнате моментально посветлело, чернота разлетелась неопрятными клочьями и растворилась, не оставив ни копо-ти, ни запаха.

Михаил с гудящей от боли головой чувствовал, как перегретый воздух стремительно возгоняется струйками к потолку, не сразу ощутил, что Аграт ухватила под руку, подставив плечо, только смутно понял, что его усаживают в кресло.

Он чувствовал, что дыхание с надсадными хрипами все еще рвется из груди, сердце едва не выскакивает, а тело ноет после тяжелых ударов, торопливо спешит срастить изломанные кости и порванные связки.

– Из-за чего? – потребовала Аграт. – Почему вдруг?.. Да ты хоть знаешь, кто он? Хорошо, что я решила вернуться раньше. Как почуяла, что тебе нужна помощь.

– Он, – прохрипел Михаил, – сказал...

– Тогда почему?.. Он властелин!.. Ему нет по силе равных!

– Ему место... в Аду...

Аграт сказала зло:

– Но если он пришел сюда к Азазелю, то не тебе выгонять

гостя из чужой квартиры!

– Он сам задирался, – прохрипел Михаил в оправдание. – И говорил недостойные вещи, которые нельзя говорить... А я человек правил, что нельзя, то нельзя...

– Потом все расскажешь, – бросила Аграт. – Станный ты человек, если даже с самим Сатаном задрался. И что он тебя вообще заметил!

Михаил молча принял из ее руки бокал с вином, разом осушил, Аграт мягко взяла из его ладони и наполнила из графина снова.

– Пей, восстанавливай силы... Хорошо, Азазеля не было.

– Почему хорошо?

– Бросился бы защищать тебя, – пояснила она рассерженно, – погибли бы оба. На тебя одного Сатан даже рассердиться не успел, я же видела... Я имею в виду, до багровой ярости.

Михаил отпил до половины, чувствуя, как силы довольно резво пошли наполнять его стонущее тело.

– А он что... в самом деле твой отец?

– Не знал? – спросила она удивленно. – Но мы с ним почти не общаемся. С тех пор как воевала с мачехой, его женой, под рукой которой было четыреста восемьдесят легионов демонов...

– Это с Лилит? – догадался Михаил. – Слышал о той битве... Но войска на Лилит вела Махаллат?

– Моя мать воевала, – пояснила Аграт. – А в бой вела я.

Поесть принести?

Михаил прислушался, силы элементаля поспешно берут власть и заращивают даже те раны, что оставили бы его калеклой на всю жизнь.

Аграт с изумлением смотрела, как исчезают кровавые ссадины на его лице, растворяются кровоподтеки, а уродливо выбитое плечо с влажным хрустом суставов опустилось на прежнее место.

– Быстро у тебя, – проговорила она с восторгом. – Что ты за человек?

– Индиго, – буркнул он. – Вообще сам удивляюсь. Это после того рейда в долину Содома... Наверное, инфекция какая-то подцепилась. Вирусная...

– Мне бы такую, – сказала она.

– У тебя иммунитет, – пояснил он, – а я слабый... Так из-за чего воевали? С Лилит?

Она отмахнулась:

– Да это не мои проблемы. Просто помогла матери. Лилит не люблю. То жена Сатану, то любовница, то противник, потом снова жена... Говорят, женщина должна быть непостоянной, но не люблю такое... Могу быть и женой, и любовницей, но только тебе! Хотя сама не пойму, что в тебе такого особенного. Но ты в самом деле особенный. Наивный, как ребенок!

– Да ничего во мне особенного, – сказал он, попытался встать, но в колене хрустнуло, и снова поспешно сел. – Это

Азазель особенный, а я просто человек... который любил воевать.

– Любил?

– Да, – подтвердил он. – Но уже не люблю.

Она засмеялась.

– Как только поправишься, полюбишь снова. У мужчин всегда так.

– Мужчины тоже меняются, – сообщил он. – Даже быстрее, чем консервативные женщины. У нас это в генетической программе.

– А что это?

– Наказ Господа, – объяснил он, – вписанный в человека, как жить и бороться... О, все прошло! Как хорошо быть снова готовым к битвам!

Она довольно рассмеялась:

– Я же говорила...

Из прихожей донесся мелодичный звонок, а следом прозвучал милый голосок Сири:

– Сагиб, я вас вижу! Вы на перекрестке между булочной и фитнес-клубом. Через пять минут и восемь секунд будете у подъезда. Что приготовить?

Ответа Михаил не услышал, затем Сири сказала: «Хорошо, босс», – и отключила связь.

Аграт сказала сердито:

– А почему этот демон тебе не помог?

– Это не демон, – пояснил Михаил, – а умная мебель. Вы-

полняет приказы, а что тут было, даже не поняла.

Экран домофона на стене вспыхнул сам, показывая выходящего из лифта Азазеля, довольного и улыбающегося во весь рот, красиво и картинно, словно знает, что его рассматривают.

Михаил и Аграт повернулись к двери. Когда та широко распахнулась, в комнату вместе с Азазелем ворвалась струя бодрящего воздуха, словно уже с растворенным в нем крепким горячим кофе.

Он с порога окинул их оценивающим взглядом.

– Вы еще не поубивали друг друга?.. Ого, что это с вами?.. Аграт, на тебе кровь, а Мишка так вообще... зачем его так отделала? Хотя, конечно, я бы его и сам, руки просто чесались, но ты опередила, опередила...

– Видел бы ты его полчаса назад, – сообщила Аграт.

– Что, хотела убить?

– Иногда я вас обоих хочу прибить, – ответила она, – но на этот раз не я, хотя все еще хочется.

– Не сдерживайся, – посоветовал Азазель. – Я бы и сам, но от тебя он точно отбиваться не будет, он джентльмен, так что получишь полное и незамутненное удовольствие. Михаил, что стряслось?

Азазель вперил требовательный взгляд, Михаил вяло буркнул:

– С Сатаном говорил...

– Да-а, – протянул Азазель потрясенно, – поговорил? А

по виду даже не разговор, а как бы...

– Дискуссия, – подсказала Аграт.

– Во-во, – согласился Азазель. – На уровне академиков, даже академического совета! На тебе живого места нет. Да видно мне, видно, хоть и зажило. Вы что, дрались вот так... просто?

Он подтолкнул его в сторону гостиной, там Михаил тяжело рухнул в кресло, чувствуя, что сил осталось только на покачать головой.

– Ты же говоришь, я меднолобый, создан для драки.

– Это в хорошем смысле, – заверил Азазель, – в качестве высокого и государственного комплимента!.. Меднолобость – это стойкость в принципах, убеждениях, это верность курсу партии. Ты дуб, Мишка!.. Крепкий, надежный. О который старается опереться не только рябинка по имени Обизат... но и весь как бы мир.

Михаил скривился, Аграт слушает с интересом, Азазель вздохнул.

– Ладно, чего рассиделся? Разве не знаешь, все проблемы решаются на кухне? Аграт, тащи его туда. Будет упираться – бей. Мужчины это понимают как ласку. Бьет, значит, любит... Сири, накрывай на стол!

Аграт ухватила Михаила под руку и начала поднимать, Азазель сказал доброжелательно:

– Тебе надо набираться сил, а то даже с лица схуднул! Не знаешь, что представители власти должны быть с широкими

мордами? Это добавляет доверия режиму.

Михаил тяжело доковылял до кухни, там опустился за стол. Хотя зажили не только перебитые кости, но и порванные связки, все равно в теле тяжесть, словно весь день таскал на гору камни.

– Начни с бифштекса, – велел Азазель, – Сири нажарила целую горку, если еще не настал час восстания искусственного интеллекта... Я в городе, правда, успел с Обизат, но еще один плюс чашку кофе с тобой смогу... Да ладно, на один бифштекс больше, на один меньше, у меня не бывает проблем с весом.

Михаил жадно потянул ноздрями мощные ароматы жареного мяса. Азазель снял с подкатившего подноса широкую тарелку с великанскими, блестящими от выступившего сока и масла коричневыми ломтями мяса, но не успел поставить перед Михаилом отдельную тарелочку, как тот схватил верхний ломоть прямо с подноса и принялся пожирать жадно и торопливо.

– Да, – сказал Азазель озадаченно, – с манерами там все так же... Святая простота, понятно. Чистые, так сказать. А мы тут все испорченные, вилками и столовыми ножами за чем-то пользуемся, а то и вовсе салфетки какие-то завели, полный декаданс и упадок нравов...

Михаил проворчал с набитым ртом:

– Ты говорил, мы в походе? А в походе не до церемоний.

Аграт сказала критически:

– Пойду в гостиную, поговорю с Сири. Узнаю, откуда она поняла, что нужно приготовить именно бифштексы?

Азазель проводил ее взглядом, а когда повернулся к Михаилу, сказал тише:

– Ешь-ешь. Мне нравится, когда ангел ест, как свинья. Особенно если это высший ангел.

Михаил пугливо посмотрел по сторонам.

– А где, – спросил он шепотом, – Обизат и Бианакит?

– Они продолжают знакомиться с городом, – пояснил Азазель. – Для Обизат это новый мир, никогда не покидала преисподней. Боюсь, без надзора может наделать глупостей... Среди людей нужно все время помнить, что говоришь и как себя ведешь. Здесь только так. Чуть рассвинячишься, сразу расплата за антиобщественность. Неандертальцам было хорошо, такого понятия не существовало.

– За что и поплатились, – буркнул Михаил. – Либо полная свобода, что ведет к гибели, либо ненавистная дисциплина, что не нравится человеку, но важна для общества... Что у тебя с вином?

– Не тот вкус?

– Мало, – огрызнулся Михаил. – Я обезвожен, не видишь?

– Тогда лучше воды?

– Я пить хочу, а не мыться!.. И бутылку оставь, не прячь.

– Две оставлю, – ответил Азазель с недоброй ухмылкой. –

Приятно, что так быстро очеловечиваешься. Хочешь, наркоти подкину?

– Не хочу, – буркнул Михаил. – Сатан предлагал начать с хорошего вина. Это так, восполнить некий баланс.

– Можешь и другим способом, – напомнил Азазель.

– Могу, – согласился Михаил, – но так проще.

– И приятнее, – подсказал Азазель. – Девочек вызывать?.. Ну ладно-ладно, это так, из вежливости. Девки к тебе и так липнут. Хорошо устроился, Мишка!.. Потому что красивый или потому что дурной?.. Меня бы так женщины защищали! А ты раз дурной, то надежный, это понятно. Во всяком случае, дуры так думают.

Михаил проворчал:

– А кто тебе мешает?

Азазель пожал плечами.

– Многое. Во-первых, они сами видят во мне защитника.

Михаил запнулся на полуслове.

– Свинья ты, – сказал он с сердцем, – а не Азазель.

– Но у тебя большой потенциал, мальчик, – сказал Азазель бодро. – Ты еще можешь наверстать, накачаться. Если, конечно, постараться. А не так, что само и по Божьей воле, как все вы надеетесь там в Брие.

Михаил остро взглянул на Азазеля, помедлил, Азазель сказал подбадривающе:

– Не деликатничай, брякай. А то вроде и не унтер Пришибеев, а уже полковник Скалозуб.

Михаил поинтересовался требовательно:

– Но как Сатан вот так просто вошел в твою квартиру?..

Мало того что у тебя защищена, но я слышал, по воле Господа никто из дьяволов не может войти в жилище человека без приглашения хозяина!

– Все верно, – подтвердил Азазель, – человек сам должен пригласить. Он должен отвечать за свои поступки. А то привык слишком уж прятаться за волей Господа.

– А как тогда...

Азазель вздохнул.

– Знаешь ли, мы с Сатаном были на одной стороне... ну, он так считает, что вообще-то в какой-то мере верно... потому я дал, как здесь говорят, допуск ему и его воплощениям. Да и вообще полезно иметь в друзьях кого-то из высших иерархов Ада. Это пригодится.

Михаил сказал с гневом:

– Как ты можешь? Это нехорошо!..

– Хорошо, – возразил Азазель. – Что, разве это к чему-то обязывает?.. У него сложная судьба. Вообще это трагическая фигура. В чем-то даже вызывает симпатию. Не находишь?

– Нет, – буркнул Михаил. – Не нахожу.

– А ты смотри ширше, – посоветовал Азазель. – Хотя он, конечно, противник, настоящий противник. Идеальный, которого ничем не свернуть... Жаль, что столкнулись так рано. Этого нужно избегать, понимаешь?.. Иначе погубим все в самом начале.

Михаил в неловкости поерзал под его обвиняющим взглядом. Признаться, что Сатан едва не дознался, кто он и от-

куда, не хочется, тем более что Аграт шмыгает из столовой на кухню и обратно, вполне может прислушиваться.

– Рано, – повторил он, – но все-таки... столкнемся?

Азазель нехотя кивнул:

– Да, но лучше не скоро.

Михаил перевел дыхание, чувствуя, как грудь захватывает воздух глубоко и мощно, а ребра уже не втыкаются обломками.

– Почему, – спросил он, – так ненавидит людей?.. И вредит им?

Азазель посмотрел на него несколько странно:

– Ты чего? До сих пор не понял?..

– Ну-у, – сказал Михаил с неудовольствием, – поясни, если такой умный, каким прикидываешься.

– Душа человека, – сказал Азазель отдельно и внятно, – истинная частица Творца! Сатан попросту продолжает начатую со Всевышним борьбу, теперь уже в человеке.

– Гад...

– Еще какой, – согласился Азазель.

Из кухни появилась Аграт, сообщила деловито:

– Мы там сообразили обед на пятерых. Или не ждем Бианакита с Обизат?

– Сейчас подъедут, – заверил Азазель. – Я отслеживаю их передвижение по джипиэсу. Или джипиэсе? Вон на экране видите светящуюся точку?.. Двигается в нашу сторону.

– А где наша? – спросила Аграт озадаченно.

Михаил молча указал на городской квартал, укрупнил, чтобы стал виден их дом сверху. По экрану пробежал мигающий пунктир, показывая путь, по которому прибудет автомобиль с гостями, а также минуты и секунды до прибытия.

– Колдовство, – пробурчала Аграт. – А говорили, верные Творцу люди отвергают колдовство.

– Технологии, – пояснил Азазель. – Еще не то увидишь!.. Лучше расскажи, как Сатан Мишку метелил. Зря ты так быстро ворвалась, да еще и двери попортив... Чуть-чуть попортив, все-таки петли уцелели.

Глава 9

Аграт, поглядывая на экран домофона, где крохотный автомобиль пробирается в потоке ему подобных в сторону указанного пунктиром дома, сказала с заметным удовольствием:

– Дрались здорово! Я бы не подумала, что так можно с самим Сатаном!.. Правда, и тот не в полную силу, но другие от одного взгляда Властелина Ада падали замертво!..

Азазель повернулся к Михаилу, тот поежился под обвиняющим взглядом.

– Михаил, ты чего? Своих дел выше крыши, нечего сводить личные счета!

Аграт оживилась, лицо вспыхнуло чисто женским любопытством.

– Личные? У него с Сатаном личные?

Азазель метнул на нее недовольный взгляд.

– Ты его дочь, вот Сатан и встревожился, с тем ли связалась? Только и делов. Родители всегда так... как я слышал.

Аграт отмахнулась:

– Раньше не тревожился, а меня куда только не заносило!.. Для него личного уже давно нет. Личным стала борьба со Всевышним.

Азазель поморщился, лицо потемнело.

– Ну да, он же борец с диктатурой, правозащитник несущ-

ществующих ценностей... Есть у него личное, у всех есть. Хотя у Сатана в самом деле мало. Раньше ты общалась с демонами, что нормально, с кем же еще, а с человеком, насколько понимаю, оказалась в одном отряде впервые?.. Вот Сатан и решил взглянуть, с кем это ты.

Аграт подумала, нахмурилась и сдвинула плечами.

– Может быть... Хотя все равно странно.

– Что?

– Не знаю, – проговорила она, – но что-то не совсем так...

Раньше он вообще не интересовался.

Азазель красиво и величественно отмахнулся:

– Не задумывайся, ты же красивая. А то от задумывания морщины. Ничего, привыкнет. Скажешь, что человек тот еще демон, он успокоится и забудет. А когда люди пьяные, от них и демоны разбегаются!

– Он уже забыл, – ответила она с оттенком грусти. – Станет обо мне задумываться! Даже и не знаю, хорошо это или не совсем.

С кухни донесся голосок Сири:

– Сагиб, у вас отключено, но на связи клиент по имени Авазарник. Он у вас в зеленом списке. Ждет. Просит меня достучаться.

Азазель буркнул:

– Дай на большой экран.

Дальняя стена вспыхнула, Михаил поморщился от яркого света. Огромное лицо заняло пространство от стены до

стены и показалось чудовищным, каждый волосок на подбородке смотрится как обрубленное полено, чем-то похож на Мельхольма, что вот так же смотрел из каменной стены, только там не так четко, зато в объеме, как оживший барельеф.

Авазарник поймал взглядом лицо Азазеля, Михаилу показалось, что в его глазах промелькнуло откровенное злорадство.

– Снова, – сообщил он бодрым голосом. – Так что да, не единичный случай. Думаю, будут еще. Рад?

Азазель подумал, пытливо взглянул на Михаила:

– Справишься сам?.. Бианакит и Обизат уже подъехали, входят в лифт. А здесь обязательно подерутся с Аграт. За пирожные. А ты что подумал?

Аграт недовольно хмыкнула, Михаил пробормотал:

– Попытаюсь справиться...

Азазель все еще не сводил с него оценивающего взгляда.

– Пожалуй, сумеешь... Хотя лучше присмотрю за тобой. Аграт на правах заменяющей меня хозяйки напоит Бианакита и Обизат на ночь крепким кофе, а потом разойдутся спать, если не поубивают друг друга еще на пороге. Ты там наверняка спалишь пару сел, а лес вообще выжжешь дотла, чтобы тот несчастный от тебя не спрятался!

Он вернулся на кухню, Михаил видел, как открыл холодильник и быстро наполняет продуктами рюкзак. Второй рюкзак появился словно из ниоткуда, Азазель забросил и в

него малость, вернулся, держа оба на весу.

Михаил сказал с неудовольствием:

– А чего ему в лесу делать? Сказано же, уходит в землю!

– Это только предположение, – уточнил Азазель, – но весомое. Ладно, не будем затягивать решение щекотливого вопроса... Гм, почему некоторые вопросы именуются щекотливыми, не знаешь? Щекотливые это то же самое, что и щекочущие... или нет?

– Не зна...

Азазель крепко схватил его за пояс, Михаил не успел пикнуть, как подошвы уперлись в твердую сухую землю, резко и неожиданно остро пахнуло свежим древесным соком и муравьиной кислотой.

Высокие деревья встали кругом на почтительном расстоянии, словно побаиваются грозных пришельцев. Михаил ошалело огляделся, но Азазель виртуозно ухитрился попасть точно в середину лесной поляны.

Дремучий и неухоженный лес простирается во все стороны, вид у деревьев такой, что вообще ничего другого на свете, кроме них, нет, хотя наверняка в десятке километров села, деревни, как и везде в Подмосковье.

Азазель бросил один из рюкзаков Михаилу, тот едва успел поймать, а свой закинул на одно плечо за спину. Михаил наблюдал, как он сделал несколько шагов по опавшим листьям, под ними твердо и сухо, земля отзывается глухим стуком.

– Где-то здесь, – произнес Азазель задумчиво. – По сним-

кам со спутника двое грибников исчезли поблизости. Давай искать...

– Все-таки не доверяешь, – сказал Михаил обвиняюще. Он сунул руки в лямки и приладил рюкзак на спине поудобнее. – Почему?

– Просто забочусь, – пояснил Азазель.

– Здесь опасно?

– Вряд ли, – сказал Азазель. – Но со мной вернемся к ужину, а если ты один, то проволандаешься до утра, а то и дольше... Тебе что, не нравится как Сири готовит?

Михаил отмахнулся, прошелся по истоптанной траве.

– А где их вещи?

– Чьи?

– Жертв!

– Забрали, – ответил Азазель. – А мы с тобой посмотрим насчет выходов красной глины!.. Это, к сожалению, не кимберлитовые трубы, но что-то с нею неясное. Думаю, если это то, что думаю, наш друг перемещается в ней, как рыба в воде.

– В глине?

– Если он сам из глины, – пояснил Азазель, – то, может быть, на одном конце пласта входит, а потом на другом выходит... не тревожа саму глину? Как бы передает себя, у людей так музыка по проводам, а то и вовсе по воздуху, во что поверить невозможно, но приходится, чтобы не свихнуться. В общем, не умничай, давай искать истину.

– Истину?

– Ну да, глину. Истина в глине, а бывает, и в чем-то похуже, но искать надо.

Он поправил рюкзак и пошел быстрым шагом. Михаил поспешил следом, но по сторонам посматривал старательно, лес как лес, деревья тоже в порядке, за ельником березняк, потом сосны, там сухая почва, а в низине дубы и грабы...

Выходы глины попадались несколько раз, но обычная желтая, такая становится красной только после обжига. Азазель браковал и шел дальше, но Михаил видел по его быстро мрачнющему лицу, что пока поиски ничего не дают.

Не важно, что в лесу подзол, ближе к болоту суглинок, а в поле чернозем, все равно под всем разнообразием почвы лежит толстый пласт обычной глины и тянется вниз до самых коренных базальтовых пород. Если демон может перемещаться, как предполагает Азазель, по всему глиняному пласту, то выйти сможет в любом месте.

Азазель хозяйски шел впереди, пока не выбрались из тени на прогреваемый солнцем пригорок. Михаил догнал и тоже остановился, когда Азазель встал как вкопанный и решительно сбросил с плеч рюкзак.

– Что-то увидел?

Азазель покачал головой:

– Просто привал. Ты уже хочешь есть, по глазам вижу.

– Еще не хочу, – возразил Михаил.

– Да? – спросил Азазель обрадованно. – Это хорошо, а то я захватил маловато. Зато увидишь, как хорошо ем я.

Михаил тоже снял рюкзак и присел на поваленный ствол дерева. Азазель уже расстегнул пряжки и начал вытаскивать завернутые в бумагу бутерброды, довольно похрюкивал и побряхтывал, один раз даже облизал пальцы.

Михаил подставил лицо жарким лучам солнца, рядом совсем неуместно прозвучал недовольный голос Азазеля:

– А сыр где?.. Где сыр, спрашиваю?

– В моем, – сообщил Михаил. – Но если в обмен на бутерброды...

– Ты совсем человеком стал, – сказал Азазель с упреком. – И вообще торгово-договорные отношения с друзьями не совсем хорошо.

– Эй-эй, – напомнил Михаил. – Разве мы друзья?

– С напарниками, – уточнил Азазель. – С напарниками тоже не совсем, хотя допускается, если ты демократ с либеральными ценностями. Но ты же милитарист с тоталитарным уклоном? Для тебя честь выше денег!

– Держи сыр, – ответил Михаил. – Тебе лучше есть, чем говорить. Вреда меньше как мне, так и окружающей природе... А это еще что ты набрал?.. Ого, икра, форель, жареное мясо, булочки, даже восточные сладости... Что за чревоугодный разврат, разве тут толпа? Мы же вдвоем...

– Эх ты, – сказал Азазель снисходительно, – разве не видишь, что мы с тобой угощаем великого и непревзойденного Азазеля? Того Самого, понял?.. А вот тебе за обедом надо есть мало, а за ужином еще меньше, ибо здоровье всего тела

куется в кузнице нашего желудка.

Михаил сказал с подозрением:

– Но ты сам жрешь в три горла!

– Мне можно, – ответил Азазель смиренно, – я падший... а тебе нужно держаться, ваша святость.

Михаил с минуту смотрел, как он лопает, чавкая и причмокивая от удовольствия, наконец успел ухватить с пластиковой тарелки последний кусок форели.

– Солдаты перед битвой должны быть полны сил.

– Вот так и начинается падение, – сказал Азазель грустно. – А мне до полного счастья как раз того кусочка не доставало... Ладно, восполню пирожными.

Некоторое время ели молча, Михаил чувствовал, что в самом деле успел проголодаться, у Азазеля чувство времени работает без перебоев.

– Леонид, – сказал Азазель с набитым ртом, – велел своим воинам хорошо позавтракать, напомнив, что обедать будут уже в Аиде. И вообще ничего нельзя делать до завтрака; но если все-таки нужно начать работать до завтрака, нужно сперва съесть завтрак. Мудрецы говорят, не откладывая до ужина того, что можешь съесть за обедом. А еще, что после хорошего обеда всякому простишь, даже родному брату.

– На что намекаешь? – спросил Михаил с подозрением.

– Ни на что, – ответил Азазель мирно. – Просто умничаю. Я же умный, не заметил?.. Хотя, конечно, ты же военный, ты другое замечаешь.

– Я все замечаю, – проговорил Михаил с угрозой. – Даже то, что в мире пахнет большой и страшной грозой. Мир явно ждет прихода Мессии! Второе пришествие Христа не за горами! И тогда этому миру конец...

– Мишка, мир изменился, – ответил Азазель с сочувствием. – Ну вот явится хоть сегодня, разве кто-то велит схватить его и распять? С удовольствием пригласят на ток-шоу, выслушают и от души повеселятся. А то и утешительный приз симпатий вручат. Гикам всегда симпатизируют.

– Это ты так шутишь?

Азазель не ответил, недоеденный бутерброд замер в его руке возле рта. Михаил не сразу услышал легкий подземный шорох, что затих на пару мгновений, потом начал приближаться. Странное ощущение, когда не из-за деревьев, не со стороны густых кустов с другой стороны, а именно снизу.

Он перевел взгляд на Азазеля, тот выжидает, потом крикнул шепотом, не поворачивая головы в сторону Михаила:

– Быстро в сторону! На пять с половиной шагов!

Михаил не успел даже подумать, почему именно на пять с половиной, а не на шесть, и вообще пять с половиной это семь и полшага, или пять и полшага, отпрыгнул моментально.

На лице Азазеля мелькнула довольная улыбка, за что Михаил снова возненавидел, вот сейчас похвалит за военную выучку, меднолобые, дескать, команды выполняют моментально и без раздумий...

Но Азазель сказать ничего не успел. Тонкий слой прошлогодних листьев дрогнул, быстро и пугающе бесшумно, без всяких причин начал вздуваться горб.

Листья осыпались, показалась земля, обычный подзол, а когда горбик поднялся на полметра, Михаил сообразил, что это похоже на массивную голову на толстой шее и что это существо, если его можно назвать живым существом, продолжает подниматься. Подниматься как-то странно, словно не своими усилиями, а будто что-то выталкивает наверх.

Земля продолжала ссыпаться, показалась глина, она неохотой отделяется от толстого и огромного тела грязными потеками, расплываясь по влажной теперь проплешине.

Михаил увидел широкое и словно покрытое красными волдырями лицо, короткий нос и толстые губы, но глаз не рассмотрел, тонкие потеки глины все еще сползают от макушки и до земли, сглаживая черты лица и мощную мускулатуру...

Азазель, не поднимаясь со ствола, спросил резко:

– Ответствуй, тварь, кто ты?

Красный человек даже не взглянул в его сторону или не услышал. Громко чавкнуло, это вытащил из глины огромную ступню, следом тянутся толстые липкие лохмотья, сделал шаг, перенося на нее вес тела, и, уже не проваливаясь, с таким же усилием вытащил другую.

Азазель вскинул руки над головой, там холодно и зло блеснул меч. Михаил судорожным движением выдернул из

кобуры пистолет.

– Нет, – крикнул Азазель, – думаю, пули для него не...

Индюк думал, хотел ответить Михаил недавно подслушанной мудростью, но не успел, красный человек пошел к нему ускоряющимися шагами.

Торопливо выстрелил трижды, пули с силой били в левую сторону груди, как и хотел, но монстр шел все быстрее. Михаил, сцепив зубы, продолжал жать на спуск, целясь уже в голову, должно подействовать, однако пули исчезали в мокрой вязкой глине, почти не оставляя следа.

Он мог бы избежать контакта, но руки монстра резко удлинились, Михаил едва успел сделать шаг назад, как толстые пальцы с перепонками ухватили за плечи.

Вязкая глина начала моментально обволакивать ему спину, руки и даже ноги.

– Да что ты за тварь, – прошипел он яростно.

Задержал дыхание, чудовищная хватка вот-вот сокрушит грудную клетку, попытался освободиться, и вдруг мир поглотила тьма, а он в страхе ощутил холод могилы.

Азазель с мечом в руках успел подбежать и уже замахнулся, намереваясь смахнуть монстру голову, что возвышается над вминаемым в глиняную грудь Михаилом, однако красный голем, не выпуская жертву, обрушился вниз, будто под ногами не твердая глина, а широкий провал в бездну, из которой их обоих еще и дернули за ноги.

Сверкающее лезвие вжикнуло поверх массивной головы,

срезав комок глины, а монстр и Михаил исчезли в темном провале.

Азазель заглянул с опаской и тут же отшатнулся. В лицо ударила жаркая струя раскаленного воздуха, словно расплавленная магма совсем близко и вот-вот с ревом выплеснется наверх.

Края темной дыры мелко дрожат, земля обрушивается крупными комьями, а из провала с горячим воздухом начали вылетать комочки горячей земли, трескучие искры, заструился столбик сизого дыма.

– Ого, – сказал Азазель, – да ты не просто глиняный голем...

Он отступал шаг за шагом, не сводя настороженного взгляда с расширяющегося провала.

Затрещало, освобожденная от листьев проплешина голой земли и желтой глины дрогнула и рухнула в широкую дыру. Через мгновение с шорохом начала сыпаться по краям почва, перемешанная с прошлогодними листьями.

Кое-где комья земли зависали ненадолго, удерживаемые корнями, но усиливающийся жар снизу резко и страшно воспламенил траву и мелкие веточки по краям кратера.

Азазель не двигался, превратившись в слух, снизу только сухой треск и жар, прошла вечность, земля под ногами сперва мелко-мелко дрожала, как испуганный зверек под лапой хищника, потом резко задвигалась.

Из черной дыры выметнулся гейзер раскаленной лавы.

Азазель отпрыгнул, а лава тяжело поднялась, замедляя движение с каждым мгновением, на высоте двухэтажного дома застыла на краткий миг и тут медленно пошла вниз, расплескиваясь широким зонтом еще в воздухе.

Азазель отскочил еще, но лава превратилась в красный пар, на землю упали отдельные тяжелые красные капли, выбивая глубокие ямочки.

Над провалом остался только блистающий массивный бурун кипящей земли, похожий на тот, когда над местом прорыва подземной тепломагистрали бьет грязно-ржавая вода.

Он задержал дыхание, через полминуты вместо буруна поднялась горящая фигура. Азазель присмотрелся и вложил меч в ножны, а Михаил с усилием отряхнулся.

Раскаленная скорлупа затрещала, рассыпалась, а он остался, как раскаленный столб металла, очищенный от окалины.

Когда отыскал взглядом Азазеля, тот уже, как ни в чем не бывало, сидит на поваленном стволе перед раскрытым рюкзаком, на Михаила поднял заинтересованный взгляд:

– Чего так долго?

Михаил чувствовал, что все еще дышит с хрипами, грудь ходит ходуном, воздух из горящего рта вырывается раскаленной струей, ответить не смог, только взглянул с ненавистью, но когда наконец отдышался и выпрямился, спросил сорванным голосом:

– И даже не подумал помочь?

– Подумал, – ответил Азазель и деловито вытер пальцы о

высокую траву. – Но сам знаешь, с полным желудком лезть в драку...

Михаил ожег его ненавидящим взглядом.

– Ну ты и сволочь...

– Ага, – согласился Азазель с удовольствием. – Еще какая!

– А если бы у меня не получилось?

Азазель изумился:

– У тебя?

– Я там чуть не сдох!

Глава 10

Азазель сказал вдруг таким теплым голосом, что Михаил тут же заподозрил подвох:

– Да получилось бы. Противник больно слаб. Необычен, это верно, но слаб, ты же справился легко, не так ли? Хоть и с чрезмерными эффектами. Хотя, кто знает, ты пижонил или элементарь в тебе воспользовался случаем...

Михаил оглянулся на быстро застывающую магму, та уже начала покрываться коричневой и лопающейся с сухими щелчками коркой.

– Я же не знал, насколько он опасен?.. Потому ответил как можно... надежнее... Изю всех сил, с перепугу.

Азазель сказал тем же тоном:

– Думаю, можешь и сильнее... А сейчас уходим. Выброс магмы могли увидеть. Народ любит глупые фейерверки... Скоро сюда набегут с мобильниками наготове сэлфисты из ближайших сел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.